

Управление культуры администрации г. Южно-Сахалинска

Литературно-художественный музей книги
А. П. Чехова «Остров Сахалин»

XIII Чеховские чтения

Антон Павлович Чехов
и книга «Остров Сахалин»
в движении эпох: век XIX – век XXI

29–30 января 2010 года

г. Южно-Сахалинск
2010 г.

УДК 821.0(063)
ББК 83.331
О—43

О — 43 XIII Чеховские чтения: Антон Павлович Чехов и книга «Остров Сахалин» в движении эпох: век XIX — век XXI / Сост. И. А. Костанова; Управление культуры и туризма администрации города Южно-Сахалинска; Муниципальное учреждение Городской литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». — Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. — 100 с.

ISBN 978-5-88811-302-8

Составитель: *И. А. Костанова*, кандидат исторических наук

Вниманию читателей предлагаются материалы XIII Чеховских чтений, проведенных Муниципальным учреждением Городской литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин»

Научное издание

УДК 821.0(063)
ББК 83.331

**XIII Чеховские чтения: Антон Павлович Чехов
и книга «Остров Сахалин» в движении эпох: век XIX — век XXI**
29—30 января 2010 года

Составитель
Инга Анатольевна КОСТАНОВА

Верстка О. А. Надточий
Корректор М. Ф. Шатохина

Подписано в печать 30.07.2010. Бумага «SvetoCopy»
Гарнитура «NewtonC». Формат 60x84¹/₁₆
Тираж 500 экз. Объем 6,25 усл. п. л. Заказ № 95-10
Издательство Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32
Тел. (4242) 45-23-16, факс (4242) 45-23-17
E-mail: polygraph@sakhgu.ru

9 785888 113028

© Управление культуры и туризма
администрации города Южно-Сахалинска, 2010
© Муниципальное учреждение Городской
литературно-художественный музей
книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», 2010
© Сахалинский государственный
университет, 2010

Приветствия участников торжественного собрания,
посвященного открытию года А. П. Чехова на
Сахалине в честь 150-летия со дня рождения писателя

К. М. Строганов

А. П. Чехов и Сахалин

В 2010 году наш народ отмечает 150-летие со дня рождения Антона Павловича Чехова.

Имя Чехова, наряду с именами Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Николая Васильевича Гоголя, Льва Николаевича Толстого, Ивана Алексеевича Бунина, Михаила Афанасьевича Булгакова, составляет гордость и славу великой русской литературы, одно из ее величайших достижений.

Но, говоря об этом, нельзя не отметить, что у сахалинцев к Антону Павловичу особое отношение. Многие из нас помнят о том, что 120 лет тому назад он проделал чрезвычайно трудное и небезопасное путешествие на Сахалин, а потом потратил почти три года на работу над самой известной книгой о нашем острове, книгой, благодаря которой о Сахалине знают даже те, кто с трудом сможет отыскать его изображение на карте мира.

И сегодня, говоря о Чехове, мы прежде всего вспоминаем этот важнейший эпизод в жизни великого писателя, эпизод, оказавший огромное влияние как на его творчество, так и на всю русскую литературу чеховской эпохи.

Сегодня, 120 лет спустя после описываемых событий, крайне сложно разобраться в мотивах, которые побудили А. П. Чехова принять решение совершить путешествие на Сахалин. Этот замысел писателя не поддается ни точной датировке, ни однозначному объяснению.

У близких к Антону Павловичу людей сложилось впечатление, что «поездка эта была задумана совершенно случайно». Как вспоминал младший брат писателя Михаил Павлович Чехов, «собрался он на Дальний Восток как-то вдруг, неожиданно».

Однако, читая Чехова, многочисленные материалы о его жизни и творчестве, а также об его окружении, мы видим, что решение писателя отправиться на Сахалин не было случайным.

На первый взгляд конец 80-х годов XIX столетия был для А. П. Чехова счастливым временем. Осталась позади бедность

на грани нищеты. Пришел успех и относительный достаток. Уже были написаны и опубликованы такие произведения, как «Каштанка», «Степь», «Скучная история» и многие другие. На сценах обеих столиц и в провинции шла пьеса «Иванов». Колоссальный успех пришелся на искрометные, блестящие водевили «Медведь» и «Свадьба». В 1888 году Чехов становится лауреатом престижнейшей Пушкинской премии. За право публиковать рассказы и повести молодого писателя, которому в январе 1890 года исполнилось всего тридцать лет, боролись самые лучшие издания России.

Но, как ни странно, именно в это, казалось бы, счастливое время Чехов переживает острое чувство неудовлетворенности. Осенью 1888 года он публикует статью, посвященную памяти замечательного русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского. Читая ее, мы можем приблизиться к пониманию тех мотивов, которые подтолкнули А. П. Чехова к решению совершить сахалинское путешествие.

Размышляя о жизни Пржевальского, А. П. Чехов отмечал, «такие люди... во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение... Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорное, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу... Изнеженный десятилетний мальчик-гимназист мечтает бежать в Америку или Африку совершать подвиги — это шалость, но не простая... Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига. В наше больное время, когда европейскими обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце».

Как считают многие исследователи жизни и творчества А. П. Чехова, решение о поездке на Сахалин возникает у него уже летом 1889 года. Именно тогда начинается та напряженная подготовительная работа, которую он проделал в преддверии сахалинского путешествия.

Далеко не все люди из чеховского окружения одобряли его

намерения. Так один из самых близких Чехову людей, российский журналист и издатель Алексей Сергеевич Суворин написал ему, что «Сахалин никому не нужен и не интересен». И А. П. Чехов пишет Суворину ответ, читая который мы можем все-таки найти ответ на вопрос, зачем этот замечательный русский писатель поехал на каторжный остров.

«Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов. После Австралии в прошлом и Кайены Сахалин — это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересована вся Европа, а нам он не нужен? Не дальше как 25–30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырех стенах и жалуемся, что бог дурно создал человека. Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшные, ответственные задачи и теперь решают. Жалею, что я не sentimentalен, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть, в частности, на Сахалин, как военные на Севастополь. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно...»

Антон Павлович подошел к подготовке своего путешествия чрезвычайно ответственно. В течение нескольких месяцев он самым тщательным образом изучал литературу, посвященную природе Сахалина, его истории и коренному населению. Перед поездкой в одном из московских магазинов Чехов приобрел большую карту Сахалина.

К весне 1890 года приготовления к сахалинскому путешествию в целом были закончены и 19 апреля 1890 года, сев на Ярославском вокзале на поезд, А. П. Чехов надолго покидает Москву. Начинается его восьмимесячное полукругосветное путешествие.

В наши дни, когда перелет из столицы России до нашего острова длится не более девяти часов, крайне сложно представить, что еще сто двадцать лет тому назад путешествие до

Сахалина было не просто чрезвычайно трудным, но и весьма опасным предприятием.

По железной дороге и на пароходах можно было добраться только до Тюмени. А далее нужно было ехать на лошадях по Сибирскому тракту, по определению Чехова, «самой большой и... самой безобразной дороге во всем свете».

Тяготы пути, плохое питание, холод и сырость в значительной степени способствовали дальнейшему развитию у Антона Павловича чахотки (как в те времена называли туберкулез), той самой болезни, которая, в конце концов, и сведет его в могилу в возрасте всего сорока четырех лет.

Проследовав через Томск, Красноярск, Иркутск, Читу, А. П. Чехов добирается до небольшого городка Сретенск на Шилке. Отсюда начинается его речное плавание по Шилке и Амуру. Посетив Благовещенск и Хабаровску (так тогда называли Хабаровск), 5 июля 1890 года А. П. Чехов прибывает в Николаевск. Три дня спустя на пароходе «Байкал» А. П. Чехов покидает Николаевск и утром 11 июля впервые ступает на сахалинскую землю.

На следующий день по прибытии на Сахалин А. П. Чехов нанес визит начальнику острова, генерал-майору Владимиру Осиповичу Кононовичу. Здесь необходимо отметить, что Антон Павлович приехал на Сахалин в качестве частного лица, не имея какого-либо официального разрешения на посещение каторжного острова. И, конечно, он опасался, что его просто-напросто выпроводят отсюда, не дав выполнить поставленных перед собой задач. Однако сахалинские чиновники не хотели выглядеть в глазах приезжей знаменитости какими-то там ретроградами и «бурбонами». Многие из них были образованны и либеральны, бывали в столицах, читали чеховские рассказы, аплодировали его пьесам. Поэтому неожиданный гость был не только любезно принят главой сахалинской администрации, но и получил от него обещание в том, что ему будет оказано полное содействие.

А 22 июля А. П. Чехов был представлен прибывшему на Сахалин Приамурскому генерал-губернатору барону Андрею Николаевичу Корфу, который разрешил ему бывать везде, где он только захочет (в том числе во всех без исключения тюрьмах). Правда, при этом Чехова предупредили, что он не должен общаться с политическими преступниками, отбывавшими наказание на Сахалине.

С этого момента началась напряженная работа А. П. Чехова на каторжном острове. Для того чтобы иметь повод войти в каждую тюремную камеру, в каждую поселенческую избу, поговорить с каждым вольным или подневольным жителем Саха-

лина, своими глазами увидеть действительно все, А. П. Чехов провел первую в истории Сахалина перепись населения. Из своего путешествия А. П. Чехов привез около восьми тысяч карточек-анкет, в которых сосредоточен огромный материал, рассказывающий о населении острова на рубеже 80–90-х годов XIX столетия. Следует отметить, что материалы чеховской переписи пять лет назад изданы группой сахалинских историков во главе с Александром Ивановичем Костановым.

С конца июля по начало октября 1890 года А. П. Чехов сумел объехать и обойти практически все населенные пункты Сахалина. Он самым тщательным образом осмотрел все тюрьмы, изучил как жизнь ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев и их семей, так и жизнь и нравы местных чиновников, канцелярских служащих и солдат. Его интересовало буквально все: сахалинский климат, гигиенические условия тюрем, пища и одежда арестантов, жилища ссыльных, состояние сельского хозяйства и промыслов, наказания, которым подвергались ссыльные, положение женщин, жизнь детей и школы, медицинская статистика и больницы, метеорологические станции, жизнь коренного населения и сахалинские древности, работа японского консульства в Корсаковском посту и многое, многое другое.

Три месяца и два дня продолжалась эта невероятная, невозможная для обычного человека работа по изучению Сахалина. И вот, наконец, все осталось позади.

В ночь с 13 на 14 октября пароход Добровольного флота «Петербург» отходит от Корсаковского поста и берет курс на Владивосток. На борту «Петербурга» был и Чехов. Он возвращался домой. На этот раз его маршрут проходил морем. Он прошел вокруг Азии, через Тихий и Индийский океаны (с заходом во Владивосток, Гонконг, Сингапур, Коломбо), Суэцкий канал, Средиземное и Черное моря и 5 декабря 1890 года завершился в Одессе.

8 декабря 1890 года почти восьмимесячное путешествие А. П. Чехова подошло к концу. Но на этом сахалинский проект не был завершен. Вскоре началась новая работа. А. П. Чехов разбирает и систематизирует привезенные им материалы, работает над текстом книги о Сахалине, собирает книги для сахалинских школ, занимается хлопотами по делам своих новых знакомых, оказывает им разнообразную помощь, ведет с ними обширную переписку.

К лету 1893 года работа над текстом сахалинской книги была в целом закончена и в 1893–1894 годах состоялась ее журнальная публикация (в журнале «Русская мысль»), а в мае 1895 года увидело свет первое издание книги А. П. Чехова «Остров Сахалин».

К 120-летию поездки А. П. Чехова на Сахалин!

Уважаемые участники торжественного собрания!

Сегодня, 29 января 2010 года, весь мир отмечает 150 лет со Дня рождения великого русского писателя, великого драматурга и великого гражданина своей эпохи Антона Павловича Чехова, чьи художественные открытия оказали огромное влияние на литературу и театр, а драматические произведения, переведенные на множество языков, стали неотъемлемой частью мирового театрального репертуара.

Но в 1890 году Антон Павлович Чехов, уже известный писатель, прерывает успешно начатую литературную работу и отправляется в длительное путешествие через всю страну на остров Сахалин для изучения быта каторжников и ссыльных.

Чехов первым из русских писателей дерзнул на свой страх и риск отправиться в отчаянное путешествие к неприветливым берегам далекого острова, чтобы во всеуслышание сказать просвещенному обществу страшную правду. Что стоят после этого тогдашние «визги» буржуазно-либеральной критики, пытавшейся исказить подлинный идейный смысл произведений великого писателя-гуманиста, обвиняя его в «пассивности», «беспринципности», «аполитичности»?

Антон Павлович Чехов острее, может быть, чем кто-либо другой, осознавал никчемность людей прозябающих, понимал необходимость гражданского подвига, проявления личного примера, чтобы оживить современное ему апатичное общество. Видимо, не случайно в канун подготовки к сахалинской одиссее он писал: «В наше болезненное время, когда европейскими обществами обуяла лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царит нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце».

Эта страстная убежденность в необходимости подвижничества сыграла не последнюю роль в решении Антона Павловича Чехова отправиться в 1890 году на Сахалин. Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный.

Именно Чехов, спустя пять лет после поездки — в период подъема революционного движения, сумел возбудить небывалый общественный интерес к далекому острову. Не вступая по

Появление сахалинской книги Чехова имело большое значение для дальнейшей судьбы нашего острова. Писатель привлек внимание к Сахалину и его нуждам как власти, так и общественности. На остров поехали проверяющие и исследователи. Немного меньше стало злоупотреблений чиновников. Было несколько улучшено продовольственное снабжение ссыльных. В значительной степени под влиянием чеховской книги отменены телесные наказания. И самое главное. Одиннадцать лет спустя после выхода в свет чеховского «Сахалина» была ликвидирована сама Сахалинская каторга, и развитие острова пошло в другом, более перспективном направлении.

С того времени прошло почти сто пятнадцать лет. Чеховский «Сахалин» выдержал многие десятки изданий, переведен на многие европейские и азиатские языки. И сегодня эта книга является одним из самых ценных сахалинских брендов, который привлекает и еще долго будет привлекать внимание всего читающего мира к островной области.

Конечно, за эти годы многое, очень многое на нашем острове изменилось. Однако и сегодня мы читаем чеховские строки, посвященные Сахалину, с неослабевающим интересом.

Сахалинцы помнят, читают и ценят Чехова. На сахалинской земле стоят памятники Чехову, в Александровске, в доме, в котором летом 1890 года бывал Чехов, находится Александровский историко-литературный музей «А. П. Чехов и Сахалин», в областном центре — Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». Имя Чехова носит Сахалинский Международный театральный центр.

Начиная с 1990 года в Южно-Сахалинске регулярно (один раз в пять лет) проходят международные научные конференции, посвященные сахалинскому путешествию Чехова и его книге «Остров Сахалин». Ежегодные Чеховские чтения проводит Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин».

За минувшие десятилетия в областном центре свет увидели четыре издания чеховского «Сахалина». В настоящее время готовится новое комментированное издание этой книги. И мы не сомневаемся, что чеховская книга будет еще долго востребована как нашими земляками, так и всеми теми, кто так или иначе связан с островной областью. Ведь, несмотря на то, что за последние полтора столетия о Сахалине были написаны тысячи книг, самой первой книгой, о которой обычно вспоминают, услышав название нашего острова, по-прежнему является замечательное произведение Антона Павловича Чехова.

цензурным соображениям в прямую полемику с представителями властей, писатель тем не менее глубоко полемично, с неопровержимой доказательностью разоблачил официальную ложь о «процветании» Сахалина, показал все невежество, деспотизм и произвол царизма. На фоне человеческих условий жизни, дикого разгула как смехотворно и нелепо звучат красивые слова генерал-губернатора Приамурского края барона Корфа: «Я убедился, что на Сахалине несчастным живется легче, чем где-либо в России и даже в Европе». Эти слова были произнесены здесь, на земле, содрогавшейся от пыток и стонов.

На Сахалине, вставая ежедневно в 5 часов утра и работая до поздней ночи, Чехов провел перепись населения. «Сахалин — это место невыносимых страданий... — писал Чехов. — Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст... размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей... Вины не смотрители, а все мы». Со страшной тревогой пишет Чехов о положении детей, которые воспитываются в каторжной обстановке, а школа для них существует только на бумаге.

Итогом этой поездки, стоившей Чехову обострения туберкулезного процесса, стала его книга «Остров Сахалин». Строго научная, документальная в своей основе, она явилась настолько острым разоблачением каторжных порядков, что правительство вынуждено было назначить комиссию для расследования положения ссыльнокаторжных на Сахалине.

Пожалуй, нет другой такой книги, которая бы, подобно «Острову Сахалину» Антона Павловича Чехова, так глубоко и всесторонне обнажила социальные язвы сахалинской каторги. На острове до сих пор проживают потомки ссыльнокаторжных. Многие хранят дома книгу «Остров Сахалин» в первой редакции и передают из поколения в поколение легенды о том, как их деды встречались с писателем.

Чехов пробыл на Сахалине три месяца и два дня. Это не столь уж продолжительное время для той колоссальной работы, которую он здесь выполнил. За короткий срок Антон Павлович сумел сделать перепись всего сахалинского населения, обследовал все тюрьмы, кроме политических, заходил во все избы, говорил с каждым поселенцем и каторжным.

Жители Сахалинской области с благодарностью хранят память о пребывании Антона Павловича Чехова на острове. Его имя носит один из городов западного побережья Сахалина, областной драматический театр, улицы в Южно-Сахалинске и Александровске-Сахалинском. В столице островного края

есть музей, экспозиции которого посвящены путевым заметкам Антона Павловича Чехова «Остров Сахалин» и каторжно-му периоду. Писателя называют вторым открывателем острова после адмирала Невельского.

История Сахалина и Курильских островов неразрывно связана с прошлым и настоящим многих поколений нашего народа. Невозвратно ушло в прошлое старое представление о Сахалине как об острове-тюрьме, о земле заброшенной и отсталой. После восстановления на Северном Сахалине в мае 1925 года советской власти и ухода японцев на острове началось строительство новой жизни. На бывшей каторжной земле закипел свободный созидательный труд. Основой решения всех задач были люди, это главное богатство, которое было, есть и будет на Сахалине. Из разных краев и областей приезжали энтузиасты с горячим желанием внести свою толику труда в преобразование сурового островного края. Это их руками восстанавливался Сахалин, их энергией, умом, энтузиазмом росла область. Строились новые города и рабочие поселки, создавались целые отрасли промышленности — нефтяная, угольная, лесная, рыбная. Возрождалось сельское хозяйство. Повышалось благосостояние населения. Небывалое развитие получили народное образование, культура. В настоящее время старое понятие об окраине навсегда умерло, ушло в прошлое вместе со старым строем, старым миром.

Сегодня Сахалинская область — не колония. Мы — часть России и не просто часть — мы военный и экономический форпост нашей Родины в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В том самом регионе, куда перемещается сегодня фокус мирового внимания и мирового влияния. Сахалинская область достаточно известный регион. Реализация на ее территории крупных международных проектов, федеральных и областных целевых программ, осуществление других мер позволили на протяжении последних лет поступательно развивать хозяйственный комплекс области, модернизировать островную инфраструктуру. В сфере управления от решения горящих вопросов мы перешли к стратегическому планированию и долгосрочным программам развития региона.

Вступив в XXI век, нам нужно по уровню жизни, по уровню развития экономики встать вровень с нашими соседями — развитыми странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Нам нужен устремленный в будущее сахалинский прорыв для благоприятного и комфортного проживания каждого жителя Сахалинской области.

У области есть ясная перспектива дальнейшего развития.

Первоочередные задачи депутатов областной Думы, губернатора, Правительства Сахалинской области направлены на общую цель — повышение качества жизни населения Сахалинской области. Именно во имя прекрасного будущего людей, волею судеб оказавшихся на далекой сахалинской земле, терпел лишения этого труднейшего путешествия Антон Павлович Чехов, предвидевший сквозь туманную завесу времени лучшую жизнь сахалинцев, счастливое будущее острова, ради исследования и освоения которого совершались русскими людьми изумительные подвиги, и уверенно заявивший, что в будущем здесь, на этом берегу, будут жить люди — и кто знает — счастливее, чем мы, в самом деле наслаждаться свободой и покоем.

Б. Р. Мисиков

Чеховская тема в контексте развития научно-практической деятельности Сахалинского государственного университета

В Сахалинском государственном университете 2010 год будет одним из самых насыщенных по чеховской тематике, что совершенно естественно для юбилейного для Чехова года: 150-летия со дня рождения и 120-летия со дня приезда А. П. Чехова на Сахалин.

Но не только в юбилейный год мы обращаемся к имени Чехова, в нашем университете Чехов по-хорошему культовая фигура. Практически с первых дней создания педагогического института в вузе стали складываться **традиции сахалинского чеховедения**. Следует вспомнить студенческий Чеховский клуб, который просуществовал в нашем вузе более двух десятилетий и дал путевку в творческую и научную жизнь многим выпускникам. У истоков Клуба находились такие ученые, как **профессор Марк Вениаминович Теплинский, профессор Роберт Робертович Майман, кандидат филологических наук, доцент Ольга Федоровна Силотина**, преподававшие в свое время в нашем вузе. Они внесли значительный вклад в развитие чеховской темы в литературоведении и не только в сахалинском масштабе, но и в масштабе российском.

Сегодня чеховская тема является одной из ведущих в исследованиях преподавателей, аспирантов и студентов. По чеховской тематике защищаются диссертации. Две диссертации защищены в Московском государственном педагогическом университете — это **диссертации И Су Не и Чудиновой Виктории Ивановны**. Диссертация **Анастасии Александровны Степаненко** написана в СахГУ уже под руководством Чудиновой Виктории Ивановны и защищена в университете города Сургута. **Чудинова Виктория Ивановна**, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, и **Степаненко Анастасия Александровна**, заведующая кафедрой журналистики, сегодня плодотворно работают в данной области. Их публикации можно встретить в известных российских научных журналах и сборниках, таких как «Русская речь», «Чеховский вестник». Опубликованы материалы спецкурса Виктории Ивановны Чудиновой «А. П. Чехов в контексте русской литературы XIX–XX веков: традиции и новаторство» в межвузовском сборнике научно-методических работ «Актуальные проблемы школьного и професси-

онального филологического образования». — Ю-Сахалинск, 2004. Ежегодно в Институте филологии Сахалинского государственного университета защищаются курсовые и выпускные квалификационные работы по чеховской тематике. С 2005 года под руководством Виктории Ивановны Чудиновой написано 17 выпускных квалификационных работ, среди которых работы Давлетбаевой Ю. «Фантастические мотивы в прозе А. П. Чехова», Крутых О. «Проблемы одиночества в прозе А. П. Чехова», Цупрун С. «Анекдот в творчестве А. П. Чехова», Горшкова А. «"Футлярный" герой в прозе А. П. Чехова» и другие. Лучшие из них передаются в музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин».

Доктор наук, профессор **Высоков Михаил Станиславович** вошел в редколлегию уникального издания материалов сахалинской переписи А. П. Чехова, которые впервые опубликованы в Южно-Сахалинске в 2005 году под общим заголовком «Быть может, пригодятся и мои цифры». А сегодня ученый работает над комментариями к книге Чехова «Остров Сахалин». Кропотливая и очень важная работа будет завершена к весне. Первые комментарии к книге Чехова были составлены еще в 50-е годы и с тех пор не обновлялись, не уточнялись, хотя имеют погрешности, неточности и не носят исчерпывающий завершённый характер.

Ученые СахГУ поддерживают научные контакты с известными коллегами-чеховедами из других вузов России. Среди них профессора Катаев Владимир Борисович (Московский государственный университет), Кубасов Александр Васильевич (Уральский государственный педагогический университет), Олешко Владимир Федорович (Уральский государственный университет имени М. Горького), доценты Родионова Валентина Михайловна (Московский педагогический государственный университет), Старикова Виктория Андреевна (Московский открытый гуманитарный университет) и другие.

Преподаватели, аспиранты и студенты университета регулярно принимают участие в уже традиционных научных чтениях в музее книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», в чеховских международных конференциях и симпозиумах, которые проводятся в нашей области. Более трех десятков публикаций сделано преподавателями университета по чеховской тематике, среди них, например, статьи и материалы преподавателей Института филологии Чудиновой В. И., Рублевой Л. И., Иконниковой Е. А., Степаненко А. А., Якименко Р. В., Шатуновой Л. В., Дорофеевой Л. В., Шумиловой Т. Е., Николаевой Т. И., Кудрявцевой Г. Н., Муминова В. И. и других.

Таким образом, проведение чеховских мероприятий в СахГУ в юбилейный год — дело чести для коллектива университета. Утвержден план мероприятий, посвященных юбилейным датам. Чеховский год в СахГУ будет отмечен реализацией нескольких достаточно крупных проектов. Прежде всего — это декада «**Чеховская весна**» в СахГУ, которую проведет в конце марта — начале апреля Институт филологии. Начнется декада 29 марта торжественным собранием преподавателей и студентов университета, а завершится студенческой олимпиадой по творчеству Антона Павловича Чехова

Декада включает в себя довольно широкий перечень мероприятий, центральным из которых будет **межвузовская научно-практическая конференция** преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов «Чеховиана: вчера, сегодня, завтра». В период декады научная библиотека университета организует выставку редких изданий книг о творчестве Чехова. **Студенты всех специальностей** примут участие в **конкурсах, тематических семинарах, олимпиаде** по творчеству Чехова. В конце октября в университете пройдет **встреча** в формате круглого стола **со студентами** ведущих сахалинских ученых-чеховедов «**Вклад ученых Сахалинской области в чеховедение**». Интересный проект предлагает **театральный колледж** университета. В середине февраля творческий коллектив учебного театра колледжа планирует проехать со спектаклем по мотивам рассказов Чехова от Южно-Сахалинска до Александровска-Сахалинского. Своеобразный «агитпробег по Сахалину» получил название «**По дороге к Чехову**». Студенты театрального колледжа встретятся с учащимися школ и трудовыми коллективами Макарова, Поронайска, Смирных, Тымовского и Александровска-Сахалинского. В **педагогическом колледже** университета в марте пройдет **фестиваль** художественного творчества «**Улыбка Антона Чехова**» и **конкурс** студенческих **сочинений** «Чем мне дорог Чехов?».

В своей деятельности мы руководствуемся стремлением к сохранению интереса к русскому литературному наследию, воспитанию нравственности и высоких идеалов среди молодежи.

Наша цель в проведении чеховских мероприятий — отдать дань уважения человеку, благодаря которому к Сахалину в конце XIX века было привлечено внимание российской и мировой общественности, который являет собой пример подвижника, горячо веровавшего в силу нравственности, идейности, трудолюбия и преданности своему делу.

У каждой эпохи свой Чехов

В разговоре с Иваном Буниным Чехов как-то заметил, что читать его будут лет семь, от силы семь с половиной, потом забудут. Но мастер короткого рассказа ошибся. Его произведения прошли испытание временем десятикратно большим, чем определил он сам.

И через столетие взгляды писателя на жизнь по-прежнему близки нам, а типы героев его произведений оказались поразительно знакомы нашим современникам. Чеховское творческое наследие подобно зеркалу, в котором отразился современный облик России.

У каждой эпохи свой Чехов, и каждое поколение по-своему прочитывает его произведения, чтобы найти ответы на волнующие вопросы.

Обращение к Чехову в юбилейный 2010 год — это возможность увидеть день сегодняшней через систему нравственных ценностей писателя, и чем дальше мы от эпохи Чехова — тем ближе к нему, к его глубочайшей человечности.

Антон Павлович поставил человека мерой всего сущего на Земле. Он выделял и высоко ценил в людях «особый талант — человеческий», и главным признаком этого таланта писатель назвал чуткость как способность живо реагировать на добро и зло, способность чувствовать чужую боль, как свою собственную. А «если видит насилие, то ему кажется, что насилие совершается над ним».

Таким талантом писатель наделил многие созданные им персонажи. Эта способность воспринимать чужую боль как свою гнала его самого в сырую ночь к больным холерой, обязывала по внутреннему голосу сострадания и гуманности собирать средства для голодающих детей Поволжья. Как утверждает герой «Скудной истории», «чувство сострадания и боль совести», которые испытывает человек, «когда видит несчастье, гораздо больше говорят о культуре и нравственном росте, чем ненависть и отвращение»¹.

¹ Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1985. — Т. 7. — С. 275.

Способность сострадания никогда не умирала в народе. Об этом пишет Чехов в рассказе «Студент». Темные, забытые нуждой крестьянки плачут, слушая библейскую историю душевных переживаний апостола Петра. И студент, случайный собеседник крестьянок, понимает, что пока есть сопереживание к чужой боли, правда и красота будут определять движение жизни.

Вся история нашего многострадального народа тому подтверждение. Две трети своей истории в сражениях. С Поля Куликова вернулась только десятая часть ратников Дмитриева войска; вся Русь оглашалась стенаниями, некому было засеять поля, но некому было в первые десятилетия и Русь засеять новыми поколениями. Какой еще народ мог выдержать такие испытания и страдания и вновь найти силы для возрождения!

Сегодня мы так мало говорим и слышим о внимании и любви к людям, чуткости и милосердии, простом человеческом участии и взаимной поддержке. И еще меньше видим проявление этих душевных качеств в жизни. Озабоченные повседневностью, мы не спешим «ни сердцем, ни рукой» прикоснуться к беде ближнего.

Но неужели нужно ждать больших испытаний, чтобы сполна проявились эти спрятанные в глубине души чувства! Пора пробуждать их в себе и в других, чтобы услышать призыв Чехова не только к своим современникам, но и к нам. «Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро!»².

Перечитывая Чехова, невольно задаешься вопросом: узнают ли себя наши современники в героях его произведений. Наверное, если читают внимательно. И один из таких очень узнаваемых персонажей — предприимчивый и удачливый Лопухин из пьесы «Вишневый сад». Он сам характеризует себя: «Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком... <...>. Читал вот книгу и ничего не понял... Читал и заснул»³. Весь его новый багаж — белая жилетка, желтые башмаки и деньги. Не хватает только дорогих наручных часов, чтобы дополнить это портретное сходство с «новыми русскими» девяностых годов.

И еще один персонаж из этого же ряда: «Мужик без особенного ума, без способностей случайно становится купцом, по-

² Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 64.

³ Там же. С. 198.

том богачом, торгует изо дня в день машинально, начальствуя над приказчиками и издеваясь над покупателями».

Как верно замечает писатель: «самолюбие и самомнение у нас европейские, а развитие и поступки азиатские».

Тип предпринимателя начала XXI века другой. Это уже не мужицкий вариант Лопухина. Век новых технологий предъявил молодой российской буржуазии высокие требования к образованности, изменил стиль экономического мышления.

Вот только сущность та же: деньги, деньги и еще раз деньги. А за ними убогость жизненных целей и стандартов: собственность, собственность и еще раз собственность. Автомобиль, автомобиль и еще раз автомобиль. И, кажется, нет предела этому накопительству и потребительству. А что дальше? Власть денег уже привела к крайней черте нестабильности, вызвав глобальный кризис.

Эту же разрушительную силу денег мы видим у Чехова, но не в мировом масштабе, а в отдельно взятом человеке. «Страшно жить на свете, у которого денег много», — говорит персонаж рассказа «Происшествие»⁴. Деньги сами по себе не дают человеку ни покоя, ни счастья, они морально разлагают. В рассказе «У знакомых» мы читаем откровенное признание одного из персонажей: «Теперь царит рубль, и если хочешь, чтобы не спихнули с дороги, то распластайся перед рублем и благоговей»⁵.

Деньги, а точнее отношение к ним, всегда были выразительной характеристикой человека, показателем его сущности, но они же и показатель уровня благосостояния общества. Станет ли наше государство обществом с достойным уровнем жизни его граждан — покажет время. Но сегодня огромный разрыв в доходах десяти процентов сообщества крупнейших бизнесменов и большей части населения страны подтверждают, что справедливого перераспределения материальных благ нет. И это ответ на вопрос, который так волновал Чехова: на благо общества или только в своих корыстных интересах используются накопленные богатства? Он тоже был свидетелем современной ему социальной несправедливости и словами главного персонажа рассказа «Скучная история» выразил к ней свое отношение: «Прежде я презирал только деньги, теперь же питаю злое чувство не к деньгам, а к богачам»⁶.

⁴ Чехов. А. П. Указ. соч. — С. 180.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 282.

Мы, современники другой исторической эпохи, вправе вслед за писателем испытывать чувство презрения к тем, кто создает капитал в своей стране, а размещает большую его часть за рубежом. Ощущение такое, что «сильные мира сего» живут временно в своей стране и давно утратили чувство родины.

«Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...», — читаем мы в «Записных книжках» Чехова. Такой потребности у наших господ предпринимателей сегодня нет. Думаю, что и дети их вряд ли вырастут достойными гражданами демократического государства, способными приносить в жертву свои интересы ради блага других.

Но сами они, несомненно, считают себя удачливыми, успешными и довольными жизнью. И, может быть, поймут прозрение Ивана Иваныча, одного из персонажей рассказа «Крыжовник», который тоже себя считал счастливым человеком, но однажды понял: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напомунал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других»⁷.

Самому Чехову такой молоточек был не нужен. Единство слова и дела у него проверялось чистотой нравственного чувства, прежде всего на самом себе. Он посылал книги на Сахалин, построил школы в Серпуховском уезде, передал несколько тысяч книг в библиотеку Таганрога. Там же добился установки памятника основателю его родного города Петру I, которого высоко ценил. И все это было истинной потребностью души — Антон Павлович всегда радовался возможности отдавать.

Многие значимые для писателя картины нравов его эпохи, как продолжение, можно найти в нашей повседневности. Логичен вопрос: как в нашей современности оказались ожившими чеховские персонажи — унтеры Пришибеевы, Беликовы, Гуровы, Ионычи, а вместе с ними «душечки» и «хамелеоны». Почему их нравственные пороки стали нормой жизни большей части общества? Откуда пришло это зло?

А оно и не уходило, оставалось в обществе социализма все годы его строительства и развития. Зло было придавлено

⁷ Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 62.

но, как сжатая пружина, укладом жизни здоровой части общества — людей, объединенных общим горем войны и энтузиазмом послевоенных пятилеток, чувством гордости за победу над фашизмом и за мировое признание успехов страны в науке, культуре, образовании, освоении космоса. И главное, объединенных общей идеей, оказавшейся исторической утопией, но в которую тогда искренне верили.

И совершенно самостоятельно жили в обществе строителей коммунизма такие «пережитки капитализма», как взяточничество, пьянство, преступность, хищения и спекуляция, тунеядство. Были и другие такие социально опасные явления, как наркотики, валютчики, фарцовщики, но официально в обществе их не существовало. И это двуличие Януса на государственном уровне было частью большой лжи, которую Чехов считал самой отвратительной, так как она была образом жизни.

Административная дезинформация, циничная полуправда (показательный пример — Чернобыль 1986 года), приписки — все это вызывало недоверие к власти и постепенно разрушало единство общества изнутри. Политическая система, которая держалась на тотальном регламентировании всех норм жизни, на негласном преследовании свободы слова, а также на всеобщей уравниловке и дефиците, исчерпала себя.

И как только создалась благоприятная общественно-политическая ситуация в девяностых годах прошлого столетия, все социальное зло, как распрямившаяся пружина, вырвалось наружу. Началась гонка на опережение в целях личного обогащения — «Кто не успел, тот опоздал». На пути этой исторически короткой дистанции сокрушалось, устранялось все, что мешало достижению этой цели.

«...во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга... Мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды»⁸. Как точно ложится это мироощущение одного из главных действующих лиц пьесы «Дядя Ваня» на наши «лихие» девяностые.

Распространенная особенность нравов художественного мира писателя — взяточничество, как говорили на Руси — мздоимство. Сегодня оно нашло отражение в жизни современного нам общества как коррупция и стало чеховской повседневностью.

О повальном взяточничестве повествуют многие рассказы писателя («Справка», «Братец», «Совет»). В одном из них, рас-

сказе «Ушла», муж взяточник и казнокрад высмеивает жену, осуждавшую своих знакомых, с видом невинной добродетели. Он напоминает ей, во сколько раз траты только на ее туалеты превосходят его жалование. Типаж очень узнаваемый.

А статья Чехова «Наше нищенство» написана удивительно в тон настроению и нерву сегодняшнего. «В низших слоях развита и веками воспитана страсть к нищенству, попрошайничеству, приживальству, а в средних и высших — ко всякого рода одолжениям, любезностям, пособиям, заимствованиям, уступкам, скидкам, льготам... Извозчик просит прибавки, ...одна десятая пассажиров в каждом поезде едет бесплатно... ни один чиновник не откажется от пособия. Красть безнравственно, но брать можно... И сознание, что «это можно», всякого просящего и берущего спасает от стыда и неловкого чувства».

«Стыдно лгать, но не стыдно просить у доктора медицинского свидетельства, чтобы одурачить казну и содрать с нее... 200—300—1000 рублей, не стыдно просить у влиятельной особы места для человека, заведомо неспособного»⁹.

Невероятная алчность современных нам чиновников не знает предела и ее обратная сторона — преступность. Коррупция и криминал сегодня опаснее, чем исконно русские беды — дураки и дороги. Язва коррупции разъедает не отдельных людей, а все общество, и это небезопасно для его нравственного здоровья.

Нравственность существует самостоятельно, а не как следствие, и если ее оставить в забвении, то она не возникнет сама по себе. Более того, она будет испытывать негативное влияние со стороны деформации общества. Это и произошло, когда не учитывались моральные последствия «первоначального накопления».

Извечно присущие человеку инстинкты обогащения и накопительства не ограничивались системой юридических и морально-этических норм со стороны государства и общества. Наша интеллигенция — защитница народа, оказалась в этой ситуации растерянной, бессильной, приглушенной собственными проблемами и, что важнее всего, — невостребованной.

В итоге общество оказалось не готовым принять декларированные демократические свободы и сделать их нормой жизни. «...нигде так не давит авторитет, как у русских, приниженных вековым рабством, боящихся свободы», — заметил Чехов.

⁸ Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 74.

⁹ Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 238—241.

«Если бы вдруг мы получили свободу, — продолжает он свою мысль, — ...мы не знали бы, что с ней делать, и тратили бы ее... на то, что бы обличать друг друга в газетах»¹⁰. Удивительно, точно про нас, словно он заглянул в нашу жизнь как «пророк, который видит яснее, чем обычные люди».

К сожалению, только сейчас пришло осознание того, что происходит с человеком, со всем обществом, когда забывают о воспитании в себе нравственного начала. И как не вспомнить Герцена: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Начнем с того, что освободим самих себя».

Чехов советовал в письме к Суворину: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченый, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая...». Эти строки и сейчас звучат современно, актуально и еще раз подтверждают, что у каждой эпохи свой Чехов.

Но что значит для нашего поколения, для современников нашей эпохи «освободиться от внутреннего цензора»? Чтобы «выдавить» из себя «раба», нужно на что-то опереться в себе, найти там основу для созидания личности демократического типа — гражданина.

Этой основой является совесть, это тот нравственный стержень, который создает личность внутренне свободную. Свободный человек с развитым чувством собственного достоинства не унизит себя взяткой чиновникам любого ранга. Он свободен от предрассудков, невежества, лжи и, главное — от безличности, то есть он может быть самим собой. Но он несвободен от личной ответственности за выбор жизненной позиции.

Этот образ свободной личности, который Чехов воплотил в себе, очень далек от нашей действительности. Поэтому приходится бороться не только с обстоятельствами, но и с «вну-

тренней стихией» своих склонностей и влечений. Если есть им стойкое нравственное «противоядие», то можно организовать себя, нет моральной опоры — управлять нами будут другие. И тогда труднее удержаться от взяток-поборов и других преступлений.

Если мы действительно хотим участвовать в демократическом самоуправлении и жить в гражданском обществе, нужно научиться управлять собой.

Итак, сравнительно-исторический подход к явлениям общественной жизни эпохи Чехова и современной показывает, как справедливо заметил историк Ключевский О. В., что «в нашем настоящем слишком много прошедшего, желательно, чтобы вокруг нас было поменьше истории».

Действительно, как мы убедились, картины жизни из художественного мира писателя часто переходят в нашу действительность, стирая историческую грань. Контрасты эпохи Чехова — это контрасты нашего времени. И во многом от наших усилий зависит, чтобы их было меньше, а поступательный ход истории был необратим. Поэтому сегодня Чехов нам нужен как никогда: демократизм его ценностной системы отвечает демократизму нашего общества. И нам есть чему учиться у великого гуманиста.

Литература

1. Бердников, Г. П. Идеиные и творческие искания / Г. П. Бердников, А. П. Чехов. — М.: Худож. лит., 1984.
2. Катаев, В. Б. Проза Чехова. Проблемы интерпретации / В. Б. Катаев. — М.: Худож. лит., 1979.
3. Лихачев, Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. — М.: Искусство, 2000.
4. Линков, В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова / В. Я. Линков. — М.: Изд-во МГУ, 1982.
5. Нравственное воспитание: поиски новых подходов (По материалам «круглого стола». — Москва, 1989 г.). — М.: Знание, 1989.
6. Розанов, В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / Под общ. ред. В. В. Розанов, А. Н. Николюкина. — М.: Республика, 1995.
7. А. П. Чехов в воспоминаниях современников / Сост. Н. Гитович. — М.: Худож. лит., 1986.

¹⁰ Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 195.

Рабство и свобода в христианском понимании и в чеховском контексте

Главное своеобразие понимания рабства и свободы в христианстве вот какое: рабство и свобода рассматриваются не изолированно и даже не как антиподы, а как вещи, соотносимые с третьей данностью, — *любовью*. Эти три данности являются разными сторонами выражения друг друга и практически друг от друга неотделимы. Поэтому синоним любви — «приязанность», «супруги» — это тягловые одной упряжки, «союзники» — это по-старинному «со-узники».

Самый яркий пример соотношения понятий рабства, свободы и любви — отношения Бога и человека в Евангелии. Христианин именует себя рабом Божиим, реализуя подаренную ему Богом свободную волю — быть с Ним или отойти от Него. Но и Бог ежедневно *обслуживает* человека, равно изливая дождь и солнце «на добрых и злых», и родиться пожелал не в богатых чертогах, а в вертепе среди низших мира сего. По слову Тютчева,

*Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

Иисус Христос, отправляясь на свой жертвенный подвиг, омыл ноги своим ученикам, преподав им урок взаимной любви: «Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу» (Мф, 13, 14). «Кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий. Ибо кто больше: возлежащий или служащий? Не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий» (Лк, 22, 26–27). Бог преподает людям урок смирения, главной добродетели христиан, залога победы: «Первые станут последними, а последние первыми». Секрет смирения в корне этого слова: «мир». Об этом говорил Серафим Саровский: «Стяжи мир — и вокруг тебя спасутся тысячи». А стяжать мир означает стяжать Духа Святого, ибо на немирную душу Дух Святой не сойдет. Стяжание же Духа Святого — залог спасения.

Почему же в чеховском требовании к личности «выдавливать из себя по капле раба» мы видим явно негативное отношение к рабству? Понятия рабства, свободы и любви вне

христианского понимания искажены исторической практикой человеческого общества.

Когда Пьер Безухов и Андрей Болконский у Толстого беседуют о том, стоит ли освобождать крестьян от крепостного права, оба согласны в том, что стоит, но Пьер, поклонник Робеспьера и демократ, считает, что это надо сделать для народа, который заживет счастливо, а Андрей, аристократ, полагает, что сделать это следует не ради народа, ибо мужики будут лениться и пить, как пили, а ради дворян, потому что рабство их развращает.

Это идет еще от пушкинских строк:

Свободой Рим возрос, а рабством погублен.

Как государство Рим политически ни от кого не был зависим, но рабство разъело Рим изнутри как болезнь.

Есть ли в Евангелии употребление слова «раб» в негативном смысле? Разумеется, есть: «...если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными. Ему отвечали: мы сыны Авраамовы и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: «сделаетесь свободными»? Иисус отвечал им: «Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин, 8, 31–34).

Это напоминает шекспировские слова Гамлета, сказанные о Горацио: «Будь человек не раб страстей — и я замкну его в самой сердцевине сердца». И это очень близко тому, что сказал Чехов в своей знаменитой фразе. Если понимать эту фразу о рабе, выдавливаемом по капле, в этом самом широком смысле, смысле нравственном, то фраза Чехова вписывается в контекст Евангелия и созвучна с ним.

Но к «рабу» этой фразы Чехова можно подойти и с социальной точки зрения, и с политической, — то есть, при желании, сделать из Чехова революционера.

Напомним, что христианское учение не претендует на политические перевороты: «Кесарю кесарево, Богу Богово» и на социальную иерархию не покушается: будучи христианином, человек может спастись в любом социальном статусе, ибо и с царя, и с раба перед Богом одинаковый спрос.

Когда же понятие «рабства» утрачивает христианскую позитивную окраску и оборачивается негативом на обе стороны (и для подчиненных, и для главенствующих)?

Да при вычитании *любви*.

Тогда общество превращается в общество ненависти: сверху вниз — жестокость, высокомерие и презрение, снизу вверх —

зависть, гнев и бунт, и сквозь все срединные звенья — страх, лезть и раболепие.

Эти последние: страх, лезть и раболепие — оказались в творчестве Чехова особенно разработанными объектами изображения («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Человек в футляре»).

Если взглянуть на слово «раб» как на нейтральное слово, освободив от оттенков, то это некто, кто «работает», а вот *кому* он работает (или *чему*, каким *целям*, каким *чувствам*) — это уже принципиальный вопрос.

«Выдавить из себя по капле раба» — это, скорее всего, обретение *внутренней свободы*, обретение *власти* над собой.

И здесь обратимся к еще одному христианскому понятию. Праведный раб Божий — это потенциальный обитатель Царства Божия. Что же это такое — Царство Небесное? Что имеют в виду христиане, желая друг другу после смерти Царства Небесного? Оказывается, это надо понимать буквально. Каждый достигший Царствия Небесного получает венец царского достоинства. Царство Небесное — это сообщество царей. Это удивительный и непредставимый мир свободы и, конечно, любви (поэтому надо научиться всех прощать). И, разумеется, это мир соработничества с Богом — опять корень «раб»!

Где оно находится — это Царство Небесное? Упомянутый уже Гамлет говорил: «Я мог бы жить в скорлупе грецкого ореха и чувствовать себя царем бесконечного пространства, — если бы мне не снились дурные сны».

А дурные сны — это и есть грехи сего мира.

Чехов мечтал, что на сахалинских берегах смогут жить другие люди и «наслаждаться свободой и покоем». Любопытно, свободу он связал не с движением, а с покоем. В самом деле, свобода, воля — это ведь не только возможность передвижения (иду — куда хочу! — ради этой свободы рискуют жизнью сотни беглых каторжных), но и возможность по-своему организовать пространство, в котором находишься. Особая нужда в покое людям, жаждущим творческой сосредоточенности. Покой — это такие ценности, как мир, тишина (список можно продолжить). Вот когда понимаешь, почему усопшим желают покоя!

Эти размышления о рабстве и свободе мы можем найти в последнем рассказе, написанном Чеховым перед выездом на Сахалин («Воры» — в первом варианте «Черти»), и в первом рассказе, написанном после возвращения с Сахалина, — «Гусев». Рассказ «Гусев» имеет структуру креста: движение по горизонтали — возвращение больного солдата Гусева на пароходе

через океан на родину — и по вертикали — его возвращение на родину небесную.

Домой, на земную родину, не смогли вернуться оба персонажа — ни смиренный Гусев, ни протестующий Павел Иванович. Оба умерли в пути и по доске спущены в море. А обрели ли они родину небесную? Насчет Павла Ивановича вопрос задается напрямую: «Попадет ли он в Царство Небесное?» Человек беспокойный, мятежный, за три года жизни на Дальнем Востоке со всеми перессорился, апостол правды, ревнитель свободы слова, обличитель всех и вся с позиций разума. Гусев — человек простой, даже недалекий, необразованный, но обрисован Чеховым с большей симпатией. Он — дитя природы, живет душой, думами о близких, он человек стаи, у него фамилия крылатая, и он, пожалуй, сродни духовным обитателям небес. А Павел Иванович не наделен автором фамилией, как Иван, не помнящий родства. Он не любит, он обличает, он потенциальный революционер, ниспровергатель, он чувствует себя адептом свободы, но он раб рационализма и не замечает своей ограниченности: у него нет пятисот рублей на каюту первого класса, но мужиков он называет хамами.

По поводу рассказа «Воры» особенно хочется отметить, что Чехов, вернувшись с Сахалина, сильно его подправил. Это рассказ о конокрадах — и в нем были пересечения с горьковским «Челкашом» и даже с «Таманью» Лермонтова: некоторая романтизация разбойничьей воли. Чехов эту идеализацию преступной свободы рабов страсти снял, повывав реальных представителей этой среды в сахалинских острогах. «Вор, бессердечный вор», — говорит он о персонаже Калашникове и отказывается от сравнения зарева пожара с алой кровью героини Любки, как будто провидя грядущие блоковские строки об апостолах свободы:

На спину б надо бубновый туз!

Символика света и тьмы в книге

А. П. Чехова «Остров Сахалин»

В книге «Остров Сахалин» проявилось в высшей степени то качество реалистического искусства Чехова, которое можно назвать ассоциативностью образов. Как известно, особую роль в творчестве Чехова играет символика. Образы *света* и *тьмы* и входящие в их состав мотивы *огня*, *пламени*, *солнца*, *костра*, *пожара*, *свечи*, *мглы*, *мрака* и *потемок* в его произведениях, кроме своей непосредственной функции, вызывают целый ряд философских и социальных ассоциаций. Недаром исследователи отмечали многомерность чеховского слова, писали о «смысловой радуге слова» (М. П. Громов). Эта особая текстовая смысловая насыщенность, которая создается изобразительно-выразительными средствами и системой ассоциативных связей, и делает чеховское слово емким. Исследователи писали о символике света, огня¹ в произведениях Чехова, но не в книге «Остров Сахалин», а между тем глубокий символический смысл многих ее образов и мотивов становится понятным в контексте всего творчества писателя (особенно в связи с рассказами «Огни» и «Студент»). Даже некоторые слегка намеченные мотивы полны глубокого смысла, и анализ этих символических образов и мотивов помогает раскрыть идейную сущность «Острова Сахалина» и установить органичность такой символики для творческого «почерка» Чехова в целом.

Образы *света*, *огня*, как и образы *тьмы*, *мглы*, *мрака*, — сквозные образы книги «Остров Сахалин». Настойчиво упоминаемые в начале путешествия («Очерки из Сибири») «*темный воздух*», «*потемки*», из-за которых ничего не видно, «*темная*, суровая река», паром, напоминающий «что-то неуклюжее, *темное*» (9)², подчеркивают не только пустынную, дикость и мрачность местности, на которой оказался автор, но и оттеняют

¹ См., например, об образе света в рассказе «Студент» в работе В. Б. Катаева: Катаев, В. Б. А. П. Чехов / В. Б. Катаев // Русская литература XIX–XX веков: в 2 т. — Т. I. — 9-е изд. — М., 2008. — С. 500–501.

² Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т./ А. П. Чехов. — М., 1974–1983. Здесь и далее все цитаты из произведений А. П. Чехова даны по 14–15 т. этого издания с указанием страницы в скобках. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде наш.

мрак в душах встретившихся ему во время переправы ссыльных, которые «одеревенели до мозга костей» (10). Не случайно проявление душевной темноты, выражающееся в непросветленности, грубости, злобе, необъяснимой жестокости, логически связывается в сознании автора с тьмой ада: «На этом свете они уже не люди, а звери, а по мнению деда, моего возницы, и на том свете им будет худо: пойдут за грехи в ад» (10).

Образ огня двойствен: он может быть внутренним и внешним, спасительным и благодатным, разрушительным и несущим гибель. «Огонь — кажущаяся живой стихия; элемент сжигающий, греющий и освещающий, но и могущий причинить боль и смерть, т. е. элемент символически противоречивый»³. Зловещими, хищными видятся автору близкие и далекие огни, «пожирющие траву, но ни капли не согревающие холодного ночного воздуха» (10). Здесь впервые в книге дается символический развернутый образ разрушительного огня: «...*Огненные змеи* ползут медленно, то разрываясь на части, то потухая, то опять вспыхивая. *Огни искрятся*, и под каждым из них белое облако дыма. Красиво, когда *огонь* вдруг охватит высокую траву: *огненный столб* вышиною в сажень поднимается над землей, бросит от себя к небу большой клуб дыма и тотчас же падает, точно проваливается сквозь землю. Еще красивее, когда змейки ползают в березняке; весь *лес освещен* насквозь, белые стволы отчетливо видны, тени от березок переливаются *со световыми пятнами*. Немножко жутко от такой *иллюминации*» (10–11). Эти огни, появившиеся «ночью, перед рассветом, среди этой дикой ругающейся орды», не могут рассеять тьму и вызывают у автора чувство «одиночества, какое трудно описать» (12). Их зловещий смысл становится понятен чуть позже, когда происходит столкновение тарантаса, везущего Чехова, со встречной почтовой тройкой и экипажи «мешаются в одну *темную* массу» (11).

Таким же страшным и гибельным рисуется огонь пожара на правом берегу, который наблюдает Чехов с борта парохода «Байкал»: «...Сплошная зеленая масса выбрасывала из себя *багровое пламя*, *клубы дыма* слились в длинную, *черную*, неподвижную полосу, которая висит над лесом...» (45). Как видно из приведенного описания, подобный огонь не несет света, он лишь добавляет тьмы. Этот огонь вызывает у автора мысли о конце света.

³ Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. — М., 1996. — С. 184.

Словно желая усилить гнетущее впечатление, Чехов далее повторяет описание губительного огня: «в пяти местах *большими кострами* горела сахалинская тайга», «*потемки* и дым», «тусклые постовые *огоньки*, из которых два были красные», «страшная картина, грубо скроенная из *потемок*, силуэтов гор, дыма, *пламени и огненных искр*», «*чудовищные костры*», «*багровое зарево*». И даже свет маяка на вершине мыса Жонкьер, который «*темною* тяжелою массой выдается в море», не в состоянии рассеять эту огненную тьму, ассоциирующуюся с адом: «И все в дыму, как в аду» (54). И не случайно, когда автор во второй раз пишет о маяке, который «ярко светит в потемках» (106), он сравнивает свет маяка с красным (т. е. дьявольским) глазом, которым глядит на мир каторга.

Образ огней, вызывающих страх, неприятное чувство, тревогу, неоднократно повторяется в книге. Такие огни непременно соседствуют с темнотой, потемками. «Чем дальше от Александровска, тем долина становится уже, *потемки густеют*, гигантские лопухи начинают казаться тропическими растениями; со всех сторон надвигаются *темные горы*. Вон вдали *огни*, где жгут уголь, вон *огонь от пожара*. Восходит луна. Вдруг фантастическая картина: мне навстречу по рельсам, подпираясь шестом, катит на небольшой платформе каторжный в белом. Становится жутко» (66).

Такой же фантастической и зловещей рисуется прогулка пешком в Воскресенское: «На полдороге стало *темнеть*, и скоро нас окутала настоящая *тьма* <...> Кругом меня и моих спутников там и сям мелькали или тлели неподвижно *блуждающие огоньки*; *светились фосфором* целые лужи и громадные гниющие деревья, а сапоги мои были усыпаны движущимися точками, которые *горели*, как ивановские *светляки*» (156).

Несмотря на доминирование в книге темных (во всех смыслах) описаний, было бы несправедливым не отметить, что они, как правило, сменяются светлыми, вселяющими надежду. Так и страшная ночная картина пожара «при блеске солнца» преобразилась в «картину недурную»: «То, что было вчера *мрачно* и *темно* и так пугало воображение, теперь утопало в *блеске* раннего утра» (55). И неудачная прогулка в темноте закончилась спасительным светом: «Но вот, слава богу, вдали *заблестел огонь*, не фосфорический, а *настоящий*» (156).

Чехов подчеркивает, что отсутствие солнца, естественного света губительно отражается на психике, самочувствии человека. Беспросветная, «безотрадная» погода Сахалина, по его мнению, «располагает к угрюмым мыслям и унылому пьянству» (113). Автор приходит к выводу, что «под ее влиянием многие

холодные люди стали жестокими и многие добряки и слабые духом, не видя по целым неделям и даже месяцам солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую жизнь» (113).

Мотивы тоски, скуки, равнодушия к себе и окружающим, наблюдаемые автором в людях во время его пребывания на острове, как правило, связаны с образом темноты (внешней и внутренней). И напротив, желание деятельности, духовные потребности, любое проявление интереса к жизни ассоциируется с образами света. Развеять тоску, «развлечь душу» ссыльный может, прочитав «завалящую книжку», или тем, что «в первый солнечный весенний день наденет светлые брюки» (28). «В светлых брюках холодно, но все-таки разнообразие!» (28) – с доброй иронией заключает автор. Вроде бы мелкая подробность, но незначительной ее назвать нельзя.

Описывая то или иное помещение (избу, дом, квартиру, комнату или камеру), Чехов всегда отмечает, светлое оно или темное. «Горница – это *светлая*, просторная комната...» (14); «...дверь отворена и сквозь сени видна другая комната, *светлая* и с деревянными полами» (15). Светлое начало, связанное с добрым и хорошим в человеке, он особо выделяет и в людях: «Хозяйка, женщина лет 25-ти, высокая, худощавая, с добрым, кротким лицом, месит на столе тесто; утреннее *солнце* бьет ей в глаза, в грудь, руки, и кажется, она замешивает тесто с *солнечным светом*» (15).

Примечательно, что в темных, мало приспособленных для жизни помещениях живут люди, потерявшие всякий интерес к жизни и друг к другу, не имеющие внутреннего огня, или по чужой воле, если это камера, карцер. В подобных жилищах «нет красного угла, или он очень беден и тускл, *без лампы* и без украшений» (73), а дети и жена лежат «в *темном* и тесном углу» (74). Обитателей таких изб и квартир Чехов чаще всего называет словом «мрачный»: «*мрачный* старик», «*мрачный* острожный характер». Эпитет «мрачный» Чехов употребляет и для обозначения характера преступления. Например, он упоминает о «*мрачном* Онорском деле» (321), которое, как ни старались его скрыть, все же вышло на свет.

Непросвещенность, темнота юридическая, неумение отличать предварительное заключение от тюремного проявляется в том, что подозреваемого или обвиняемого сажают в *темный* карцер. Одиночество и отсутствие света в течение долгих дней является, по мнению писателя, не меньшим наказанием, чем розги, плети, приковывание к тележке. Так, в Голом Мысу одного из подозреваемых «держали в *темноте*, впроголодь и под страхом, пока он не сознался» (33), а «женщина свободного состояния Гаранина, подозреваемая в убийстве своего мужа», тоже «сидела в *темном* карцере» (330). Когда ее выпустили, она «дрожала и

щурилась *от света*» (330). «Начальник округа приказал перевести ее в *светлое* помещение» (330). Подобное наказание темнотой отсылает нас к старинному названию тюрьмы — «темница». В далекие времена узника и узницу также обозначали словами «темничник» и «темничница»⁴.

Некомфортно, тревожно чувствовал себя в темноте и сам автор, когда ему пришлось провести кошмарную ночь в Дербинском: «Было спокойно и в амбаре и у меня на душе, но едва я *тушил свечу* и ложился в постель, как слышались шорох, шепот, стуки, плесканье, глубокие вздохи. Капли, падавшие с потолка на решетки венских стульев, производили гулкий, звенящий звук, и после каждого такого звука кто-то шептал в отчаянии: «Ах, боже мой, боже мой!» (151). Свеча, как известно, имеет сакральный смысл — это частица божественного света. Поэтому спокойствие душевное связано с ее огнем.

Встреченный писателем священник, вспоминая начало своей деятельности на Сахалине, когда ему первый раз пришлось напутствовать приговоренных к смертной казни в тюремной камере Воеводской тюрьмы, признается, что потом, когда преступников повесили, «долго боялся в *темную* комнату входить» (340).

Весь каторжный северный Сахалин автору кажется средоточием тьмы: «Я стоял один на корме и, глядя назад, прощался с этим *мрачным мирком*, оберегаемым с моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначились в воздухе и были похожи *впотьмах* на трех *черных* монахов» (180). И хотя дальше «заблестели огни», они не могут скрасить мрачную картину — это огни страшной Воеводской тюрьмы и огни Дуэ. «Но скоро и это все исчезло, и остались лишь *потемки* да жуткое чувство, точно после дурного, зловещего сна» (181).

В книге Чехова красной нитью проходит тема живой жизни и жизни искусственной. «Если жизнь возникла и течет не обычным естественным порядком, а *искусственно*, и если рост ее зависит не столько от естественных и экономических условий, сколько от теорий и произвола отдельных лиц, то подобные случайности подчиняют ее себе существенно и неизбежно и становятся для этой *искусственной жизни* как бы законами» (87), — пишет он. Знаменательно, что искусственность жизни связана в художественном мире книги с образами искусственного света, огня. Например, в сцене празднования приезда на

Сахалин А. Н. Корфа: «Вечером была *иллюминация*. По улицам, *освещенным* *плошками* и *бенгальским огнем*, до позднего вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Река Дуйка, всегда убогая, грязная, с лысыми берегами, а теперь украшенная по обе стороны *разноцветными фонарями* и *бенгальским огнями*, которые отражались в ней, была на этот раз красива, даже величественна, но и смешна, как кухаркина дочь, на которую для примерки надели барышнинино платье» (64–65). Эта иллюминация придает всей картине характер какого-то маскарада, но «каторга и при бенгальском освещении остается каторгой...» (65).

Когда Чехов пишет о семейной жизни ссыльных, он особо отмечает, что есть семьи, которые «отталкивают своею искусственностью и фальшью» (253), и «хорошие семьи», в которых мужчины жалеют своих сожительниц. Женщины, натерпевшиеся от своих мужей дома, в России, говорили, что здесь, на каторге, «они впервые увидели *свет*» (252). Очевидно, что под словом «свет» подразумевается человеческое, сострадательное отношение.

Чеховская символика органично вырастает из жизненной конкретности происходящего, поэтому преобладание в «Острове Сахалине» мрачных, темных образов закономерно. Однако вера в разумные начала жизни, убежденность, что свет рассеет тьму, выражается в книге открыто, в известном авторском размышлении о будущем: «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» (35). Показателен в этом сочетании глагол «осветит». Не «начнется», не «наступит» и не «придет», а именно — «осветит»! Слово «будущее», как правило, в нашем сознании связано с устойчивым определением «светлое».

Через четыре года после поездки на Сахалин Чехов создал свой любимый рассказ «Студент». Вначале чеховскому герою видятся лишь «лютая бедность, голод... невежество, тоска... *мрак*, чувство гнета». Затем он идет из сумерек на костер, от темноты к заре. Движение это не только внешнее, но и внутреннее: от мрака пессимизма к свету надежды.

А. Куприн писал о Чехове: «Он — этот «неисправимый пессимист», — как его определяли, — никогда не уставал надеяться на светлое будущее...»⁵. И своей страшной по откровенности книгой «Остров Сахалин» Чехов все же хотел убедить нас в том, что «будет не конец света — будет конец тьмы...».

⁴ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — М., 1998. — Т. 4. — С. 743.

⁵ Куприн, А. И. Памяти Чехова / А. И. Куприн // Чехов в воспоминаниях современников. — М., 1986. — С. 517.

Айны в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» и их современное положение

А. П. Чехов в своей книге «Остров Сахалин» уделил внимание многим аспектам жизни острова в конце XIX века. Глубокий интерес представляют страницы, посвященные коренному населению южной части острова Сахалин айнам.

Айны проживали на обширной территории от района Тохоку на севере острова Хонсю до Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов. В настоящее время большая часть айнов проживает на Хоккайдо.

На протяжении долгого времени японцы называли айнов словом «эмису» или «эдзо». Российские путешественники называли айнов «мохнатыми». А. П. Чехов в книге «Остров Сахалин» в главе XIV пишет: «Коренное население Южного Сахалина, здешние инородцы, на вопрос, кто они, не называют ни племена, ни нации, а отвечают просто: айно. Это значит — человек»¹.

В основе традиционной хозяйственной деятельности айнов лежали рыболовство, охота, морской зверобойный промысел и собирательство. Ремесло не выделялось в отдельную профессиональную деятельность. Каждый мужчина занимался изготовлением изделий из дерева, а каждая женщина — ткачеством.

У айнов в конце XIX века сложилась определенная социальная иерархия, которая, вероятно, образовалась под действием как внутренних социально-экономических факторов, так и под влиянием японцев. Самым крупным социально-политическим объединением была локальная группа. Самой низшей структурной единицей общества являлась семья: «на наре обыкновенно сидит хозяин и, не переставая, курит трубочку...»².

В конце XIX века айны представляли из себя бедствующий народ. Условия их жизни далеко отличались от цивилизованного мира и всегда поражали путешественников. А. П. Чехов пишет: «Над огнем висит на крюке большой черный котел; в нем кипит уха, серая, пенная, которую, я думаю европеец, не стал бы есть ни за какие деньги»³, «айны никогда не умываются, ложатся спать не раздеваясь»⁴.

¹ Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов — М., 1984. — С. 186.

² Там же. С. 190.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же. С. 191.

Политическое положение айнов также было незавидным. А. П. Чехов отмечает, что до прихода русских на остров айны находились в крепостной зависимости от японцев. Они использовали труд айнов на рыбалках, взамен давали рис, сакэ, табак, одежду и небольшую плату⁵. С приходом же русских крепостная зависимость сменилась более гуманным отношением, «до последнего времени охраняли их свободу, защищая от обид и избегая вмешательства в их внутреннюю жизнь»⁶. Однако в то же время это привело к тому, что айны остались без возможности получения дополнительного источника питания — риса. Были случаи и притеснения айнов со стороны каторжников; поселенцы отбирали у них лучшие рыбные места. Вероятнее всего, это и стало причиной оттока айнского населения на Хоккайдо. А. П. Чехов замечает, что в районе Корсаковского поста, где 25 лет тому назад еще можно было увидеть айнские селения и юрты, теперь не встретишь ни одного айна. Далее он приводит цифры численного состава айнов, взятых из «Ведомостей о числе проживающих инородцев за 1889 г. по Корсаковскому округу»: 581 мужчина и 569 женщин⁷. Позднее проблема сокращения айнского населения не раз будет подниматься учеными и мировой общественностью.

До 1945 года несколько сотен айнов продолжало проживать на юге острова. После присоединения Южного Сахалина к СССР в процессе репатриации проживавших там японцев почти все айны под давлением японской пропаганды уехали на Хоккайдо, где постепенно слились с местными айнами⁸.

В настоящий момент айны проживают только на территории острова Хоккайдо. По данным 1999 года, их насчитывается 24 000, из них 23 767 человек проживает в 73 муниципалитетах (городах, поселках и деревнях острова) на Хоккайдо. Однако по оценкам ученых и социологов айнского населения намного больше, чем указывают статистические данные. Это объясняется тем, что до сих пор многие айны скрывают свое происхождение или поменяли место жительства (это связано с проводимой долгое время японским правительством дискриминацией по отношению к айнам)⁹.

⁵ Акидзуки, Т. Японцы и айны на Сахалине (по русским источникам середины XIX века) / Т. Акидзуки // Краеведческий бюллетень. — 1993. — № 1. — С. 85.

⁶ Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 187.

⁷ Там же. С. 187.

⁸ Арутюнов, С. А. Древнейший народ Японии: Судьбы племени айнов / С. А. Арутюнов, В. Г. Щебенков. — М., 1992. — С. 13.

⁹ To understand the ainu. — Sapporo, 2007. — С. 20 (на англ. яз.).

Для поддержания численного состава айнского населения и их культуры японским правительством проводятся в жизнь различные законы, укрепляющие политическое и социальное положение айнов. Так, например, в 1930-х годах была создана первая Айнская Ассоциация, представляющая интересы своего народа. Первоначально в ее состав входило не более 300 человек. По данным Ассоциации на 1 марта 2008 года в ее составе насчитывается 3758 человек (12 595 человек вместе с семьями). Одним из участников создания организации был Кита Юсиаки, в настоящий момент Бюро возглавляет Юкио Сато.

Совместно с Бюро Айнской Ассоциации японское правительство неоднократно в 1972, 1979, 1986, 1993, 1999 и 2007 годах проводило «Обследование реального положения дел в жизни утари» (термин «айну» стал заменяться термином «утари», чтобы избежать дискриминационного отношения). В результате этих исследований выяснилось, что 29,5 % работающих айнов заняты в сельском хозяйстве, рыбной промышленности и в отраслях добывающей промышленности. Повзрослел процент айнов, управляющих малыми и средними предприятиями¹⁰. Тогда как в 1920-е годы встретить айна обеспеченного и имеющего свой бизнес было редкостью. Так, например, Тайра Мицуо (1928–2001) еще во время Второй мировой войны, окончив младшую школу, начал перевозить уголь на лодке, затем занялся ловом сельди, камбалы, моллюсков. Вскоре Мицуо приобрел собственную лодку и начал заниматься разведением морского гребешка¹¹.

Новым видом деятельности айнских жителей стала организация или участие в развитии туристического бизнеса. Так, Ямамото Тасукэ (1904–1992) организовал кружок, в котором занимались изготовлением резных изделий народного творчества, а также постановкой народных традиционных танцев. Большую славу он приобрел, поставив во Франции (в Париже) пьесу «Легенда Айнуракку». Для передачи айнской культуры следующим поколениям Тасукэ написал много книг. Кроме того, он продвинул и развил традицию «Праздника зеленых шариков» — «Маримо» (сем. Cladophoraceae: Aegagropila Kütz — Эгагропила или Кладофора)¹². Каждый год праздник «Маримо» празднуется в деревне Айну Котан (Акан, Хоккайдо). Помимо

этого, на театральной сцене музея деревни Айну Котан проводят новогодние праздники, праздник огня, разыгрывают сцены из айнских сказок с элементами танца. Несколько раз по просьбе туристов проводилась инсценировка «медвежьего праздника». Однако попасть на праздник медведя сложно, так как проводится он крайне редко, несмотря даже на спрос туристов, айны относятся к празднику благоговейно и не решаются на театрализованный показ в нарушение традиций предков.

Огромную роль в развитии туристического городка в Акане играет Ассоциация айнских художественных промыслов, деятельность которой направлена на развитие сервиса и индустрии обслуживания, привлечения туристов (всего посещают айнскую деревню около 759 тыс. туристов в год). В состав Ассоциации входит 30 человек, в настоящий момент ее возглавляет уже более 6 лет главный член Ассоциации Нидео Акибэ. Обслуживающий персонал Айну Котан насчитывает 110 человек, которые работают в туристическом городке в сети магазинов (36 магазинов, где основной товар сделан айнами, а 20–30 % фирменного производства) и кафе, предлагающем айнскую кухню¹³.

Одним из знаменитых на Хоккайдо туристических уголков, представляющих айнскую культуру, можно назвать город Си-раой. Своей славой он обязан Ямамару Такэо (1914–1994). Такэо с 13 лет в летнее время вместе с отцом плавал на большой лодке к берегам Камчатки ловить кету, а с 33 лет начал вести активную деятельность в качестве представителя сельского комитета. В 1965 году в местечке Поротокотан для желающих познакомиться с айнской традиционной культурой Такэо выстроил дома, крытые соломой (по традиции, передававшейся с древних времен). В 1984 году открывает Национальный музей, который по настоящее время принимает туристов и продолжает деятельность своего создателя (всего в год посещает более 150 тысяч туристов)¹⁴.

Огромную роль в развитии и поддержании айнской культуры играют историко-этнографические музеи, которые занимаются не только комплектованием фондов по истории и культуре народа айну, но и различными просветительскими мероприятиями для населения.

В лекционных залах музеев или культурно-просветитель-

¹⁰ Брошюра о народе айну. — Саппоро, 2007. — С. 3 (на англ. яз.)

¹¹ Пособие для учителей по изучению истории айнского народа. — Саппоро, 2005. — С. 40 (на япон. яз.)

¹² Пособие для учителей по изучению истории айнского народа. — Саппоро, 2005. — С. 39.

¹³ Home of Folkcraft and Dance Lake Akan Ainu Kotan. — Akan, 2008. — С. 1 (на англ. яз.).

¹⁴ Пособие для учителей по изучению истории айнского народа. — Саппоро, 2005. — С. 39 (на япон. яз.).

ских учреждениях айские мастера проводят мастер-класс по технике вышивания, резьбы по дереву и другому материалу, лекции по приготовлению айских блюд, организуют танцевальные кружки и многое другое.

Комплексные мероприятия по исследованию айской культуры проводит и Фонд изучения и развития айской культуры. Существует Фонд уже около 12 лет, в 1997 году, после утверждения «Закона о развитии айской культуры», был открыт главный офис в городе Саппоро, а затем в Токио создана рабочая группа «Центра айской культуры».

Несмотря на то, что практически все руководство Фонда составляют японцы (Совет Фонда состоит из 15 членов и 18 внештатных сотрудников), они проводят огромную работу по восстановлению айской культуры. Фонд организывает или субсидирует различные айские культурные мероприятия, предоставляет информацию об айских традициях, консультирует, субсидирует исследователей, вносящих вклад в развитие айской культуры. Так, например, публикацию научных статей, исследования в области изучения айской кухни (изданы красочные книги основных блюд айского питательного рациона по сезонам вместе с фильмами, показывающими приготовление блюд).

Каждый год выпускаются брошюры о деятельности Фонда, грантовых проектах, каталоги выставок, проведенных Фондом, выпускается серия айских сказок, рисунки к которым в основном выполняют любители, в том числе и дети, составляются учебники по истории и традициям айнов.

При поддержке Фонда, а также Айской Ассоциации проводится около 14 курсов и лекций айского языка для всех желающих. Зависимо от районов, например, в Биратори, они проводятся один раз в неделю по два часа. Посещают курсы от 48 до 10 человек. На радио стала выходить обучающая программа по айскому языку.

Таким образом, за последние десятилетия японским правительством, мировыми общественными организациями, музеями, айскими обществами проводится огромная работа по сохранению айского народа, их численного состава, традиций, культуры, фольклора и языка. Как положительный момент хотелось бы выделить и такой факт, что спустя 120 лет со времени путешествия А. П. Чехова на Сахалин в стенах Сахалинского областного краеведческого музея зазвучала звонкоголосая тонкори — традиционный музыкальный инструмент сахалинских айнов. Музыкант Оки К. исполнил несколько музыкальных композиций для посетителей музея, сумев передать маленькую частичку своей культуры, которую айны так бережно несут через века.

А. А. Степаненко

«Остров Сахалин» А. П. Чехова и «На воде» Мопассана

Из всех зарубежных писателей, с которыми сопоставляют Чехова, самый упоминаемый — Мопассан. Это не случайно, так как он был любимым писателем Чехова. Призыв адвоката Лысевича из рассказа «Бабье царство» (1894) читать Мопассана стал знаковым и поставил ученых перед необходимостью рассматривать литературные связи между Чеховым и Мопассаном особенно пристально. Оба писателя существенным образом повлияли на пути развития национальных литератур. Параллели между их произведениями проводились неоднократно: сопоставлялись сюжеты, повествовательная манера, выявлялись мопассановские аллюзии и реминисценции в прозе и драматургии Чехова. Список чеховских текстов, связанных с именем Мопассана, достаточно обширен, приемы, унаследованные русским писателем, весьма специфичны.

Чехов не случайно считал Мопассана близким автором. По мнению исследователей, разгадка такой неизменной и постоянной любви в «честной трезвости французского писателя, его нелюбви к приукрашиванию действительности, в его умении видеть грязную изнанку жизни... они оба были антиромантиками и умели отбросить утешительную ложь, предпочитая ей суровую правду»¹.

В этой связи целесообразно обратиться к двум книгам русского и французского писателей «Остров Сахалин» (1895) и «На воде» (1888). При чтении этих произведений невольно улавливаешь явные и неявные литературные связи и переклички.

То, что Чехов был знаком с книгой «На воде», не вызывает сомнений. Произведение цитируют даже его персонажи. В «Чайке» (1896) французским писателем увлечена Аркадина, и Чехов приводит целый отрывок из Мопассана в ее исполнении во втором действии пьесы. Произведение повлияло не только

¹ Паперный, З. Смысл и бессмыслица жизни у Чехова и Мопассана / З. Паперный // Чеховиана: Чехов и Франция. — М.: Наука, 1992. — С. 63.

² Подробнее об этом см.: Катаев, В. Б. Мопассан, Л. Толстой, Чехов: три решения одной темы / В. Б. Катаев // Чеховиана: Статьи, публикации, эссе. — М.: Наука, 1990. — С. 77–82.

на текст «Чайки», но и на «Рассказ старшего садовника» (189-4)². Хочется обратить внимание на художественные параллели между книгами «Остров Сахалин» и «На воде». Невзирая на существенные различия с точки зрения жанровой принадлежности, сюжета, они заключают в себе много общего. З. Паперный отмечал: «Интересно, что Чехов чувствовал постоянный интерес и симпатию к писателю, не только родственному, но и во многом от него отличному, а иногда и полярно противоположному»³.

В комментариях М. Л. Семановой к книге «Остров Сахалин» в 30 томном собрании сочинений и писем находим упоминание, что в январе 1890 года в газете «Новости дня» был помещен материал о том, что Чехов отправляется в путешествие на Сахалин. Автор данной заметки сравнивал Чехова с писателями Э. Золя и Г. де Мопассаном, упоминал книгу «На воде». Мопассан покачивается на воде — Чехов едет на Сахалин: в центре внимания писателей дорожные впечатления. Таким образом, еще до выхода в свет путевых записок Чехова современники сравнивали его с Мопассаном. Это не случайно, так как образ автора-путешественника, добывающего в самой действительности материалы для произведений, был родственен Чехову.

Мопассан написал «На воде» в период своей прогулки на яхте «Милый друг» вдоль побережья Средиземного моря. По пути автор вел дневник, в котором детально описывал живописные пейзажи, которые он видел. На море автор размышлял на разные темы, заносил необычайные истории из жизни известных людей и простых обывателей. Повествование Мопассана характеризуется географической точностью, конкретностью датировок и цифр, писатель широко использует «морскую» терминологию. «На воде» — это повествование, где автор предельно откровенен с читателем, так как он записывал «все, что видел и что думал»⁴. Роль субъективного элемента у Мопассана намного выше, чем в сдержанной и объективной книге Чехова. Многие его впечатления и оценки лежат на поверхности текста, их не нужно специально «искать», как у Чехова. Книги были написаны с разной целью, наблюдения двух поездок также отличаются. Отдыхающий путешественник Мопассан

видел только «море, солнце, облака и скалы» [359], он получал большое удовольствие от путешествия и своего одиночества. Произведение «На воде» возникло случайно, автор вел дневник, прежде всего, для самого себя: заносил «неотделанные записки», «смутные мечтания», «отрывочные мысли, которые, словно птицы, мелькают у нас в голове» [445]. Перед глазами Чехова открывались более мрачные картины, и, в отличие от своего французского учителя, на Сахалине ему некогда было грезить и мечтать.

Близкие интонации обнаруживаются при внимательном рассмотрении обоих текстов. В первую очередь произведения объединяет один из важных мотивов — свободы и тесно связанный с ним мотив заключения-наказания. В ряду причин неожиданной поездки Чехова на Сахалин можно назвать попытку обрести личную свободу. Об одиночестве и независимости неоднократно размышляет Мопассан, покачивающийся на своей яхте. Остановимся на более конкретном воплощении такого мотива. В первую очередь он связан с неволей человека и прослеживается на протяжении обоих анализируемых текстов. В одном из писем А. С. Суворину в 1891 году Чехов признавался: «А Сахалин тем хорош, что он жил бы после меня сто лет, так как был бы литературным источником и пособием для всех занимающихся и интересующихся тюремоведением» (П. Т. 4. С. 305). В книге Мопассана встречаются два эпизода, связанных с заключением в тюрьму. Первая история, рассказанная Мопассаном, — это побег из крепости маршала Базена. Вторая связана с наказанием человека, убившего собственную жену. Оба эпизода образуют определенную повествовательную рамку в тексте и являются значимыми не только в композиционном, но и в смысловом плане. Наказание заключением в тюрьму/крепость/каторгу в центре внимания Чехова и Мопассана. Вспомним, что Лысевич из «Бабьего царства», произнося свой знаменитый монолог о Мопассане, говорит: «Я предпочел бы литературу, которая учит, как бежать из тюрьмы. Из всех современных писателей я почитаю, впрочем, иногда одного Мопассана... Хороший писатель, превосходный писатель!.. Удивительный художник! Страшный, чудовищный, сверхъестественный художник!» (С. Т. 8. С. 285). Это размышление исследователи часто связывают с чеховским пониманием творчества французского писателя. Если устами героя Лысевича Чехов дает свою оценку Мопассану, очевиден его интерес к «тюремной» теме.

Тема абсурдности наказания красной нитью проходит сквозь повествовательную ткань обеих книг. Примечательным

³ Паперный, З. Указ. соч. — С. 57.

⁴ Мопассан. Г. Собрание сочинений: в 7 т. / Г. Мопассан — М.: Правда, 1977. — Т. 5. — С. 359. Далее цитируется это издание с указанием в квадратных скобках номера страницы.

является эпизод книги «На воде», помеченный «14 апреля» и посвященный государству Монако. В «Острове Сахалине» это *Рассказ Егора* (гл. VI). Обе истории «выбиваются» из общей тональности произведений. Мопассан «весьма прискорбным и доселе неслыханным» эпизодом завершает повествование, словно подводя итог всему сказанному. Преступление и последующее за ним наказание по-разному изображаются авторами. Рассказ Мопассана восходит к притче, в то время как *Рассказ Егора* больше близок к журналистскому жанру — интервью.

В государстве Монако происходит убийство. Муж в порыве гнева убивает свою жену, и местный суд приговаривает его к смертной казни. Однако преступника не могут наказать по той причине, что в Монако нет палача, гильотины, тюрем и прочего. Обвиняемый становится большой обузой для государства, содержать его становится накладным. Убийцу уговаривают покинуть тюрьму и отправиться за границу, где выплачивают пожизненную пенсию в размере шестисот франков. Такой анекдот на серьезную тему не мог не привлечь внимания Чехова. 1880–90-е считаются годами раздумий Чехова о смертной казни, наказании и страданиях людей. Данный эпизод сопоставляют с «Рассказом старшего садовника» (1894). В. Б. Катаев пишет: «История, о которой говорится в «Рассказе старшего садовника», в некоторых чертах напоминает осто́в сюжета о несостоявшейся смертной казни, рассказанного Мопассаном...»⁵. По мнению исследователя, из притчи, рассказанной садовником, вытекает высокий моральный, гуманистический вывод: нужно верить в каждого человека. В этом плане представляется интересной VI глава «Острова Сахалина».

История ссыльного Егора привлекла внимание Чехова своей исключительностью и непохожестью на рассказы других ссыльных: «Преступления почти у всех ужасно неинтересны, ординарны, по крайней мере со стороны внешней занимательности, и я нарочно привел выше *Рассказ Егора*, чтобы читатель мог судить о бесцветности и бедности содержания сотни рассказов, автобиографий и анекдотов, какие мне приходилось слышать от арестантов и людей, близких к каторге» (С. Т. 14–15. С. 131). Диалог Чехова с каторжным занимает около двух страниц. Мы узнаем, что Егор был отправлен на остров «за убийство» некоего Андрея. Суд, разбирая дело о со-

вершенном преступлении, пошел по легкому пути: из нескольких подозреваемых, точно по жребию, вина пала на Егора. Автор не берется размышлять о том, как остальные обвиняемые нашли способы уйти от наказания и комментировать данную историю. Однако выделение рассказа в отдельную главу намекает на то, что эпизод очень важен для Чехова. Думаем, для автора в *Рассказе Егора* важен не факт виновности-невиновности человека. Основной смысловой акцент сосредоточен на суде, который «не верит», для которого «все неправда».

Преступление без наказания у Мопассана и наказание без преступления у Чехова... Удивляет то обстоятельство, с каким вниманием монахский суд отнесся к убийце, чья вина не вызвала сомнений. По данному частному случаю велись политические переговоры с французским и итальянским правительствами «с целью получить заем в виде палача и его орудия» [441]. Вопрос о том, что делать с убийцей, стал делом государственной значимости. История Егора контрастирует с рассказом Мопассана. Для правительства Монако выходом из создавшегося положения является отпустить убийцу на свободу. Хотя виновность русского преступника остается под сомнением, он отправляется на каторгу, — так и решается проблема.

О наказании Чехов продолжает размышлять в XXI главе «Нравственность ссыльного населения. — Преступность. — Следствие и суд. — Наказания. — Розги и плети. — Смертная казнь». В «Рассказе старшего садовника» эти и другие наблюдения художественно переосмысляются Чеховым, утверждается вера в человека вообще, вне наказания. Судья, выронив смертный приговор преступнику, восклицает: «Нет! Если я неправильно сужу, то пусть меня накажет бог, но, клянусь, он не виноват! Я не допускаю мысли, чтоб мог найтись человек, который осмелился бы убить нашего друга доктора! Человек неспособен пасть так глубоко!» (С. Т. 8. С. 346). Если Мопассан рассказывает читателю анекдот, у Чехова эта тема получает иное, более философское осмысление.

Истории о преступлениях в Монахском государстве и ссылке Егора обрамляются поразительными пейзажами, изображением открытого моря, волн. Эти описания оттеняют повествование о тюрьме, наказании и прочем. Фактографическая достоверность удивительным образом «уживается» с лирическими отрывками, размышлениями. В этом отличительная особенность и сходство обеих книг. Возможно, при поиске повествовательной манеры книги «Остров Сахалин». Чехов ориентировался именно на произведение «На воде» Мопассана.

Море является частью образной структуры рассматривае-

⁵ Катаев, В. Б. Мопассан, Л. Толстой, Чехов: три решения одной темы / В. Б. Катаев // Чеховиана: Статьи, публикации, эссе. — М.: Наука, 1990. — С. 81.

мых нами произведений. Книга «Остров Сахалин» содержит множество «морских» лирических отступлений, которые ярко выделяются на фоне «строного» повествования, изобилующего цифрами и фактами. Эти отступления связаны с раздумьями Чехова о людях, живущих на острове, об их судьбах, о человеческой жизни в целом. Описания моря, а также ощущений авторов в связи с его близостью схожи и во многом переключаются. Можно предположить, что подобные эпизоды книги «Остров Сахалин» были также навеяны Мопассаном.

В книге Мопассана «Сильно изрезанный берег, красивый, нарядный, весь в бухтах, заливчиках и причудливых уступах, словно ждет, охорашиваясь, привычную толпу вздыхателей. На склонах еловый лес подымается до самых гранитных вершин, похожих на замки, на города, на каменные войска, перегоняющие друг друга. А море у подножия скал такое прозрачное, что даже видно песчаное дно и водоросли». На смену пейзажам приходят размышления автора о смысле жизни, о предназначении человека: «Бывают дни, когда меня с такой силой охватывает ужас перед всем существующим, что я призываю смерть. Однообразие вечно неизменных пейзажей, человеческих лиц, мыслей причиняет мне нестерпимые муки. С изумлением и гневом взираю я на убожество вселенной, ничтожность всего сущего возмущает меня, человеческое тупоумие удручает безмерно. Но бывают иные дни, когда я, как всякая живая тварь, радуюсь всему...» [388].

Море вызывает у Чехова похожие чувства: «Дорога к домику поднимается круто, оборачиваясь спиралью вокруг горы, мимо старых лиственниц и елей. Чем выше поднимаешься, тем свободней дышится; море раскидывается перед глазами, приходят мало-помалу мысли, ничего общего не имеющие ни с тюрьмой, ни с каторгой, ни с ссыльной колонией, и тут только осознаешь, как скучно и трудно живется внизу.. в виду моря и красивых оврагов все... становится донельзя пошло и грубо, как оно и есть на самом деле» (С. Т. 14–15. С. 106–107).

Чехов наделяет живыми чертами маяк на море. До него таким же приемом пользовался его французский предшественник: «Небо чуть серело на горизонте, вдали, за бухтой Ангелов, виднелись огни Нишцы, а еще дальше — мигающий глаз маяка Вильфранш... Корабли, прибрежные скалы и само море — все спокойно спит под золотой россыпью звезд, и миниатюрный маяк, который несет караул на дальнем конце мола, зорко охраняет свой маленький порт» [359–360]. Маяк на мысе Жонкиер днем представляет собой «скромный белый домик с

«Остров Сахалин» А. П. Чехова в исследованиях А. И. Станько

Впервые имя А. И. Станько мне встретилось в 2009 году на обложке небольшой книги, выпущенной издательством Ростовского университета в 1997 году. Называется она просто — «Журналистские расследования». Заинтересовалась я ею после того, как мне посоветовали прочесть очерки А. И. Свирского «Ростовские трущобы», помещенные в этом сборнике. Какова же была моя радость, когда в оглавлении среди других статей я встретила имя Чехова! Более того, очерк, посвященный автором своему гениальному земляку, связан с книгой А. П. Чехова «Остров Сахалин» и называется «А. П. Чехов на каторжном острове». Он состоит из двух частей, озаглавленных «До и после Сахалина» и «Забытый текст сахалинских очерков». Естественно было мое желание получить хоть какие-то сведения об авторе. В интернете нашла всего несколько скупых строк. Обратилась в Донскую государственную публичную библиотеку города Ростова-на-Дону. Там с вниманием отнеслись к моему запросу и подобрали имеющиеся в фонде библиотеки материалы. Их тоже оказалось немного, и тогда директор библиотеки предложила позвонить автору. В результате удалось установить следующее.

Александр Иванович Станько родился 18 июля 1937 года в городе Сочи, в семье рабочего. В 1960 году окончил факультет журналистики, а в 1965-м году — аспирантуру Ленинградского университета. Успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук, а в 1986 году — докторскую диссертацию, тема которой «Становление теоретических знаний о периодической печати в России (18 век — 60-е гг. 19 века)». С 1965 года работает на кафедре журналистики Ростовского государственного университета (в настоящее время — Южного Федерального университета) преподавателем, старшим преподавателем, доцентом, профессором. Доктор филологических наук. Академик Академии наук региональной печати России (с 1998 года). Научные интересы: история отечественной журналистики 18–19 веков, история местной прессы, типология прессы, методика исследования журналистики. А. И. Станько — автор разделов в коллективных учебниках «История русской журналистики 18–19 вв.» (изд-во СПб ГУ, 2003) и «История мировой журналистики» (М.-Ростов н/Д., 2004).

Разработанный А. И. Станько спецкурс «История русской журналистики 18–19 вв.» в конкурсе проектов Института «Открытое общество» признан победителем и отмечен Грантом (№ J5Д738). По теме спецкурса А. И. Станько опубликовал 6 монографий, из них три были рекомендованы Минобразования России для обучения журналистов в университетах Российской Федерации: 1. Русские газеты первой половины 19 века. — Изд-во. Ростов. ун-та, 1969.—201 с. 2. А. С. Пушкин — журналист и редактор. — Изд-во Ростов. Ун-та, 1973.—85 с. 3. Становление теоретических знаний о периодической печати в России 18в.-60 гг. 19 в.— Изд-во Ростов. ун-та, 1986. —302 с. (См.: Программа дисциплины «История русской журналистики». Для государственных университетов. —М., 1995. — С. 34, 39, 40 // Новый мир. — 1997. — № 2. — С. 268–271)

Кроме этого, А. И. Станько опубликовано свыше ста научных работ. К сожалению, в фонде Сахалинской областной универсальной научной библиотеки есть только одна книга А. И. Станько «Русские газеты первой половины 19 века» (Ростов н/Д.: изд-во. Ростов. ун-та, 1969. — 202 с.) и две — где он является одним из авторов: сборник статей «Проблемы журналистики», изданной Ленинградским университетом в 1974 году и учебное пособие для студентов факультетов и отделений журналистики «История журналистики», изданном в 2004 году. Как видим, автор предстает перед нами серьезным ученым в области журналистики. Поэтому неудивительно, что и к изучению обстоятельств поездки А. П. Чехова на Сахалин, и к анализу книги «Остров Сахалин» он подходит с позиции журналиста.

Как становится ясно из содержания, совсем не случайно книга названа «Журналистские расследования». Автор действительно не только исследует, но и расследует, ищет в общеизвестных документах новые «улики», объясняющие поступок Чехова, непонятые многими его современниками мотивы, побудившие писателя к посещению каторжного острова. Да и не только для современников, ведь до сих пор не утихают споры и дискуссии на эту тему. А. И. Станько находит свои объяснения, приводит аргументы, подтверждающие его версию о том, что решение Чехова зрело постепенно, исподволь и было принято не вдруг и не под влиянием только каких-то житейских обстоятельств или в результате каких-то причин личного характера. Нет! Ведь совсем не просто так под одной обложкой книги автор собрал очерки о рискованном репортерском вояже В. Гиляровского через холерную донскую степь, написанные на основе его писем к Чехову; очерки корреспондента газеты «Ростовские на Дону известия» А. Свирского «Ростовские тру-

щобы» (которые тот написал, побывав, переодевшись бродягой, на самом дне торгового города: в притонах, забегаловках, ночлежках) и очерк «А. П. Чехов на каторжном острове». Таким образом, А. И. Станько подводит нас к мысли, что и Гиляровский, и Свирский, и Чехов, являясь современниками, каждый по своему совершили рискованное мероприятие: побывали в эпицентре ужасных человеческих страданий. Кто знает, может быть, именно под влиянием писем Гиляровского Чехов окончательно принял решение о своей поездке на остров Сахалин, может быть рассказы «дяди Гиляя» о бедственном положении людей во время мора стали последней каплей, побудившей великого гуманиста, которым, без сомнения, был Антон Павлович, провести свое «журналистское расследование» об этой Богом и царем забытой каторжной стране. На это обстоятельство обращает наше внимание доцент Ростовского университета Е. Ахмадулин в своей небольшой заметке, опубликованной в 1988 году в журнале «Журналист» и посвященной «Журналистским расследованиям» А. И. Станько.

По крайней мере, Станько в очерке «А. П. Чехов на каторжном острове» отстаивает свою версию о том, что писателя наталкивали на принятие такого странного для окружающих решения многие обстоятельства. В подтверждение автор очерка приводит примеры того, как задолго до своей поездки на Сахалин Антон Павлович с нарастающим вниманием обращался к явлениям преступности, суда, ссылки и с разных сторон рассматривал психологические и нравственные аспекты этой проблемы. Автор обращает наше внимание на то, что уже в ранних своих рассказах Чехов размышляет над причинами людской жестокости, взаимного непонимания и отчуждения. Насмешливые и негодующие авторские интонации слышит он за репликами персонажей — любителей телесных наказаний: барина Щеглова в рассказе «Трифон», станowego пристава Прачкина в рассказе «Не в духе». Тема суда, скорого и неправого, возникает и в рассказе «Суд», опубликованном в октябре 1881 года в журнале «Зритель» за подписью «Антоша Чехонте». Сцена наказания невиновного описана чрезвычайно подробно. Она как бы предвосхищает другую, свидетелем которой стал Чехов 9 лет спустя на каторжном острове и которую описал в своей книге «Остров Сахалин», подробно, в деталях живописуя наказания бродяги Прохорова за побег из Воеводской тюрьмы. Чехов, передовая отношение окружающих к экзекуции и в первом, и во втором случае отмечает злорадство и равнодушие к человеку, подвергающемуся наказанию. Жертвы правосудия нередко выглядят в чеховских рассказах

человечнее вершителей их судеб. Станько подчеркивает, что в процессе подготовки рассказа «Суд» ко второму изданию собрания сочинений, уже после сахалинского путешествия, Чехов внес в него изменения. Так, если в первой журнальной публикации этот рассказ заканчивается тем, что наказанный, но оправданный Серапион «богатырем выходит из избы», то переработанный текст обрел иной финал: «А жандарм Фортунатов долго потом ходит по двору, красный, выпуча глаза и говорит: «Еще! Еще! Так его!». В новой концовке Станько замечает отсвет сахалинских впечатлений, обращает внимание на стилистическую близость двух описаний экзекуции — Серапиона и Прохорова, и на словесные совпадения. После поездки Чехов стремится полнее раскрыть нравственный и социальный аспекты темы телесного наказания, — так объясняет Станько попытку писателя решительно переделать концовку рассказа, насытить ее новыми ассоциациями. По мнению А.И. Станько, после Сахалина Чехов другими глазами смотрел на прежние свои работы и пытался выстроить в ряд обстоятельства и впечатления, которые замыкались в логическую цепь их причин и следствий. И вместе с тем, как большой художник, Чехов не мог не видеть, что нововведения разрушают те связи, которые обеспечивали внутреннюю гармонию произведения, изначально существовавшее пространство и время. Вероятно поэтому на сохранившихся, перечеркнутых крест на крест гранках рассказа, подготовленного для второго издания собрания сочинений, рукой Чехова сделана надпись: «Рассказ «Суд» — исключить». Но для нас это свидетельство, приведенное в очерке Станько, очень важно, так как ранний рассказ Чехова, в котором прозвучала тема, остро волновавшая писателя, невидимыми нитями остался связанным с книгой «Остров Сахалин».

Станько, подробно рассматривая рассказы Чехова на криминальную тему, отмечает, что в них появляются описания мест заключения. И сразу возникает тревожная нота: порядки в местах отбывания наказания направлены в большей мере на подавление личности, чем на пробуждение в человеке нравственного начала. Чехов подмечает различные атрибуты чиновно-бюрократической деятельности: формальное судопроизводство, фетишизация казенной бумажки. В его очерке сопоставляется две реплики — помещика в рассказе «Справка»: «Пишут! — подумал он, вздыхая. — Пишут, чтобы черт их взял совсем» и местных жителей Сахалина из книги «Остров Сахалин», которые мало верят в то, что записанные с их слов сведения могут что-либо изменить: «И все они пишут, и все они пишут, царица небесная!»

А. И. Станько приводит также факты неоднократного обращения Чехова к теме виновности и наказания задолго до поездки на каторжный остров, еще в 1883 году. Так, из рассказа «Юристка» он приводит следующее размышление на этот счет: «Смертная казнь... Нет... Пожизненное одиночество, тюремное заключение! Это посильней будет!», из рассказа «Марья Ивановна» — «Наш век тем и хорош, что никак не разберешь, кто прав, кто виноват. Даже присяжные, судящие какого-нибудь человека за кражу, не знают, кто виноват: человек, деньги ли, что плохо лежали, сами ли они, присяжные, виноваты, что родились на свет. Ничего не разберешь на этой земле!..» И в «Острове Сахалине» он находит, что устами тюремного инспектора как бы резюмируются некоторые сцены из судебной практики, ранее Чеховым описанные: «Если, в конце концов из 100 каторжных выходит 15-20 порядочных, то этим мы обязаны не столько исправительным мерам, которые мы употребляем, сколько нашим русским судам, присылающим на каторгу так много хорошего, надежного элемента».

Станько останавливает наше внимание на том, что документальные сведения о судебных делах давали личные наблюдения писателя, членов его семьи, знакомых и прессы. Так, «Азовский вестник» (1876, № 2, 3) сообщал, что в списке присяжных для участия в Таганрогском окружном суде с 1 июля по 1 октября значились Митрофан и Павел Чеховы. Правда, Павел Егорович, признавший себя несостоятельным должником, бежал тогда в Москву к сыну, спасаясь от долговой ямы. После Сахалина и А. П. Чехову довелось самому «отбывать обязанности», по его выражению, присяжного заседателя.

Автор напоминает, что в творчестве раннего Чехова особое место занимает цикл его отчетов с заседаний московского окружного суда «Дело Рыкова и комп. (от нашего корреспондента)», помещенный в «Петербургской газете» за подписью Рувер (1984, № 324-338, 340). Чехов документально освещает ход нашумевшего процесса. Перед читателями предстает портретная галерея обвиняемых, защитников, свидетелей. Множество персонажей сменяют друг друга, и Чехов находит самые выразительные, запоминающиеся черты в облике и характере каждого. Портреты, мизансцены, диалоги создают в совокупности художественно-документальное полотно, раскрывающее механизм судопроизводства. Постепенно Чехов обретает нужную форму повествования: сплав документальности с художественностью. По словам Чехова, работа была изнурительная: «Дело непривычное и, сверх ожидания, тяжелое. Сидишь целый день в суде, а потом, как угорелый, пишешь. Не привык я

к такому оглашенному письму (Письма, 1, 135)». Но, по мнению Станько, именно так приобретался опыт — синтез труда журналиста и писателя, выкристаллизовывалась та манера письма, которая полностью раскрылась в «Острове Сахалине». На эту манеру чеховского письма сразу обратили внимание современники. В. А. Гиляровский, сам писавший репортажи с этих заседаний суда, назвал отчеты Чехова «прекрасными». И.А. Бунин объяснил причину их успеха: «Отчеты его были блестящи, с художественными характеристиками».

В очерках Станько мы увидим много других аналогий, которые он проводит между разными произведениями Чехова и книгой «Остров Сахалин». Так, он считает, что рассказы из сборника «Сумерки», вышедшего в свет в 1887 году, пронизаны мыслями, получившими дальнейшее развитие в книге о Сахалине. Особенно подробную характеристику совпадений Станько дает при анализе рассказов «Мечты» и «Воры», тем самым прослеживая авторские подходы к глубинным противоречиям русской жизни в их наиболее острых проявлениях. Он видит в творчестве Чехова «до сахалинского периода» новую потребность в большом художественном полотне, новых впечатлениях и наблюдениях, что и привело, по его мнению, в конце концов писателя, к решению о поездке на каторжный остров, а его книгу «Остров Сахалин» сделало зеркалом, в котором отразились все стороны жизни тогдашнего общества.

Не менее интересна и вторая часть записок А. И. Станько о Чехове, имеющая подзаголовок «Забытый текст сахалинских очерков». Здесь он рассматривает разночтения в дате отъезда писателя на Сахалин (в разных источниках говорится о 19, 20, 21 апреля), приводит первоисточники (в том числе выписки из дневника С. М. Иогансон, бабки Лики Мизиновой, гостившей у нее в Москве в момент сборов Чехова), благодаря которым устанавливает, что отъезд состоялся 21 апреля 1890 года.

Однако основное место этой части очерка автор посвящает судьбе первой публикации книги «Остров Сахалин», которая впервые была напечатана в № 10–12 1893 года и в № 2, 3, 5–7, 1894 года журнала «Русская мысль». К сожалению, в редком фонде Сахалинской областной универсальной научной библиотеки из восьми книжек имеется только семь, нет 10 номера за 1893 год, то есть, отсутствует начало чеховских «путевых записок», как указано в подзаголовке.

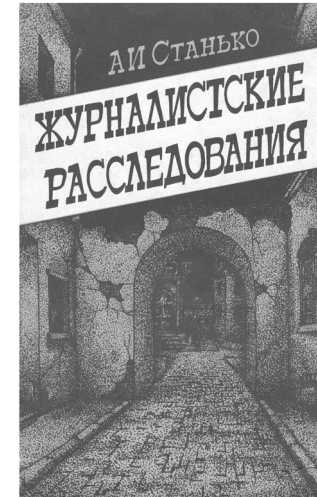
«Русская мысль» — научный, литературный и политический журнал, отражающий философскую, общественную и художественную жизнь России. Из всех толстых ежемесячников 80-х гг. «Русская мысль» пользовалась наибольшим распространением:

число подписчиков доходило до 14 000. О том, что этот журнал был широко известен, говорят и штампы, которыми помечены номера, имеющиеся в нашем фонде, так, на некоторых номерах стоит штамп с изображением двуглавого орла и надписью «Библиотека Главного штаба», на одном экземпляре — штамп с надписью «Фундаментальная библиотека международного аграрного института». С этим журналом А. П. Чехова связывали самые тесные взаимоотношения. Такие произведения, как «Чайка», «Дама с собачкой», «Дом с мезонином», «Мужики», «Крыжовник» и другие впервые увидели свет в номерах журнала «Русская мысль». Именно в этот журнал после поездки на Сахалин в 1892 году Чехов принес повесть «Палата № 6», в октябре 1893 года — «Остров Сахалин», в 1895 году — «Убийство». А.И. Станько, изучая вышедшее в 70-е — 80-е годы прошлого столетия академическое тридцатитомное полное собрание сочинений и писем Чехова, обратил внимание на то место в предисловии к нему, в котором отмечается, что здесь «впервые в истории изданий Чехова дается исчерпывающий свод первоначальных редакций и всех вариантов текста». Однако в вариантах «Острова Сахалина», опубликованных в 14/15 томе, журнальный текст не представлен. Таким образом, замечает Станько, первая публикация сахалинских очерков оказалась малодоступной для современного читателя. «Между тем ни одно чеховское слово не может быть потеряно для потомков. Даже если сам писатель, по лишь ему известным причинам, исключил его из последующих публикаций. В этом случае варианты обретают особую ценность. Они передают муки авторского слова, свежесть первого звучания произведения. Сам читатель включается в творческий процесс, занимается его исторической реконструкцией» — считает Станько. В свое время редакция журнала не поместила списка опечаток, поэтому он проводит сравнительный анализ первого и последующих текстов, выявляет и объясняет причины ошибок и искажений фактов, раскрывает литературные и психологические особенности первой публикации чеховских очерков в «Русской мысли».

Особое внимание Станько обращает на окружение первой публикации «Острова Сахалина» в журнале и считает, что содержание одновременно помещенных в «Русской мысли» материалов много значили для читательского восприятия этой книги Чехова. В десятом номере «Русской мысли» 1893 года, помимо открывавшего его чеховского произведения, был напечатан исторический очерк В. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах в пятидесятых годах». В нем исследовалась жизнь сибирских поселенцев. Сравнивая эти две

публикации, Станько приходит к выводу, что по насыщенности фактами, глубине аргументации очерк Семевского сближался с чеховским, но в нем преобладали научные описания, документальные сведения. Очерк Семевского делился на главы, каждой из которой предшествовало краткое содержание. Такого рода подзаголовки имелись и в чеховской книге. Однако в комментариях к «Острову Сахалину» утверждается, что «оглавление и подзаголовки, раскрывающие содержание главы, появились лишь в издании 1895 года» (14/15, 783). Сопоставление очерков Семевского и Чехова позволяет Станько обнаружить удивительное, почти дословное совпадение некоторых подзаголовков, которое он приводит в своей книге (Семевский: «Жилище и пища рабочих», «Болезненность и смертность на промыслах», «Приисковые больницы», «Телесные наказания». Чехов: «Пища ссыльных», «Болезненность и смертность ссыльного населения», «Лазарет в Александровске», «Наказания»). Параллельно с очерками Чехова и Семевского в «Русской мысли» печаталась статья «Пища народных масс России» за подписью: Л. Маресс. В статье обсуждались вопросы питания и здравоохранения населения, которым немало места уделял и Чехов в своих очерках. Подводя итоги своим исследованиям, Станько приходит к выводу о том, что «...в открытости гражданских чувств нельзя отказать авторам статей и всей режиссуре десятой книжки «Русской мысли... Голос Чехова не затерялся в мощном социальном и нравственном звучании десятого номера «Русской мысли». Напротив, у современников сложилось мнение, что «Остров Сахалин» явился причиной цензурного предупреждения журнала. В конце ноября «Русская мысль» получила замечание министра внутренних дел и обнародовала его в двенадцатом (декабрьском) номере. Под такой грозный аккомпанемент печатался «Остров Сахалин». В своей книге Станько приводит цитату из портретного очерка «А.П. Чехов (Опыт литературной характеристики)», напечатанного рядом с «Островом Сахалином». Его автор, один из руководителей журнала В. А. Гольцев, писал: «Критика должна требовать одного, того, о чем говорил Чернышевский: художник должен развивать в себе человека. Это требование Чеховым исполнено... Пожелаем же, чтобы художник-человек был и художником-гражданином». В этих словах — признание гуманистического настроения книги Чехова, благодаря которому она сближалась с публикациями «Русской мысли».

На мой взгляд, очень интересно подходит Станько к понятию «музей одной книги». Обращаясь к настоящим и будущим исследователям чеховского наследия, он пишет: «Рас-

музей одной книги станет литературным памятником мужественному таланту писателя, бесценным подарком для читателей». Это было написано в 1997 году. Отрадно отметить, что такой музей уже создается усилиями сахалинских ученых, архивистов, краеведов и других специалистов. В 2005 году в издательстве «Рубеж» изданы материалы сахалинской переписи А. П. Чехова «Быть может пригодятся и мои цифры», в 2009 году оцифрован так называемый, «Чеховский список», в 2010 году состоится его презентация; идет подготовка комментированного издания книги «Остров Сахалин», которое увидит свет в 2010 году.

Создание литературного памятника А. П. Чехову и его книге «Остров Сахалин» продолжается. Очерки Александра Ивановича Станько — один из «кирпичиков» такого памятника. В настоящее время готовится к изданию еще одна его книга: «Личность и публицистика А. П. Чехова». Пожелаем автору удачи, а читателям — встречи с новыми открытиями и сведениями о жизни и творчестве замечательного русского писателя и гражданина.

крыть во всей полноте значение чеховских очерков — своеобразной энциклопедии Сахалина — поможет книга, в которой, помимо текста «Острова Сахалина» со всеми вариантами, займут свое законное место почти десять тысяч статистических карточек, заполненных писателем на каторжном острове; несколько десятков фотографий, сделанных по его заказу на Сахалине; разнообразные выписки из научной литературы, составленные накануне поездки; сотни писем, написанных и полученных им в связи с сахалинским путешествием. Такой

А. А. Панов о колонизации Сахалина:
либеральные иллюзии и реальность фактов

В свете перспектив развития Дальнего Востока вообще и Сахалина в частности, особый интерес представляет опыт освоения этого региона царской Россией. В ряду авторов, писавших в то время о проблемах освоения острова, далеко не последнее место занимает А. А. Панов. Биография этого человека пока не вполне изучена. Нам известно с его слов, что он провёл на Сахалине 14 месяцев в 1881–1882 годах.

Свой первый труд о каторжном острове Панов опубликовал в 1889 году в журнале «Русский вестник»¹. В статье, опубликованной под псевдонимом А. Сеич, он попытался дать реалистичную и без прикрас картину жизни на Сахалине. Следует заметить, что автор явно не разделял расхожего представления о заключенных как жертвах бесчеловечного общества. Неудивительно, что отзывы на первый печатный опыт Панова оказались весьма неблагоприятными. Так, «Русская мысль» вскоре выдала крайне отрицательную рецензию на статью, буквально пронизанную либеральными идеями, свойственными тогда русской интеллигенции. Автор рецензии для начала обрушился на Панова с обвинениями в недостойной попытке «представить жизнь на острове и существование ссыльных какой-то идиллией, артельной робинзонадой на диком острове». В рецензии заявлялось: «но признавать еще сугубую кару на головы уже навеки осужденных, наказывать наказанных, отвергать всякую человечность по отношению к тем, кто и без того навсегда отвергнут обществом, — подобная бесцельная жестокость... вызывает удивление и не может не остановить на себе внимание читателя»².

В итоге А. А. Панов надолго замолчал и вновь вернулся к сахалинской теме лишь в 1905 году, когда вышла его объемная работа «Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина», изданная в Москве. Несмотря на сравнительно малую известность этой работы в современной России, в Японии труд Панова является основным источ-

ником сведений о русской колонизации Сахалина³.

Работа А. А. Панова носит аналитический характер: в ней около 300 ссылок, где цитируются труды 45 исследователей Сахалина конца 1860-х годов, в том числе материалы, опубликованные в «Сахалинских календарях», а также около 30 документальных источников по истории каторжного Сахалина: приказы, распоряжения, рапорты, донесения, отчеты, обзоры (с 1870 года).

Заслуживает внимания и следующее обстоятельство. Хотя А. А. Панов прожил более года на Сахалине, его очерки, — как настойчиво подчеркивает сам автор, — основаны не на личных впечатлениях, а на «данных официального характера и на отзывах о Сахалине таких лиц, которые по одному своему служебному положению могут быть свободны от заподозриваний», то есть «на цифрах и фактах, которые дает сама администрация». По тем же соображениям автор избегал пользоваться и обширным материалом, имеющимся в неофициальной литературе о Сахалине. Такой подход, полагал исследователь, «позволит ему избежать упреков в субъективности и преднамеренности выводов»⁴.

Называя Сахалин «богатым островом», исследователь пишет: «Трудно найти такой уголок, где бы на таком, сравнительно небольшом пространстве (66 тысяч квадратных верст), было сосредоточено так много разнообразных естественных богатств. Каменный уголь, нефть, железо — вот главнейшие из ископаемых, которые в руках более предприимчивых людей, несомненно, придали Сахалину значение одной из богатейших промышленных колоний. Его рыбные богатства буквально неисчерпаемы... Его леса уже и в настоящее время дают материал для значительного экспорта. Наконец, в средней и южной частях острова имеются плодородные почвы, удобные для земледелия и скотоводства, которые при правильной постановке сельского хозяйства могли прокормить гораздо более многочисленное население, чем то, которое в настоящее время пухнет от голода на Сахалине»⁵.

Именно это определило аспект исследования А. А. Панова «Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного

¹ Русский вестник. — 1889. — № 7.

² Русская мысль. — 1889. — № 10.

³ Сагарэн но Сикуминси (история колонизации Сагарэна). Министерство по колониальным делам, северный отдел, 1942.

⁴ Панов, А. А. Сахалин как колония / А. П. Чехов — М., 1905. — С. 6.

⁵ А. А. Панов, Указ соч. — С. 4–5.

положения Сахалина», где автор ставит задачу показать, «что может дать Сахалин как колония, как шла его колонизация, в чем лежат причины ее неуспеха, и при каких условиях можно было, по его мнению, поставить дело колонизации на более правильную и прочную основу»⁶.

В чем же Панов стремился увидеть «твердую основу» для успешной колонизации Сахалина? Как ни странно, но в полном противоречии со своей ранней работой, автор поставил перед собой задачу показать, что «единственной причиной неуспеха колонизации Сахалина нужно признать забвение в Сахалинском поселенце человеческой личности»⁷. Иными словами, А. А. Панов по неизвестным нам причинам решительно перешел на позиции либералов и сделал попытку возложить всю ответственность за неудачу колонизации на косное царское правительство. Попытаемся же рассмотреть, как удалась автору попытка решить поставленную им сверхзадачу на материале официальных документов. Ввиду большого объема книги и множества поставленных в ней вопросов ограничимся лишь теми ее частями, где речь идет о демографии и сельском хозяйстве, т. е. теми сферами жизни, где вклад «свободных личностей» мог бы быть решающим.

На 1 января 1900 года на острове проживало 34 368 человек, не считая аборигенов. В это число входили 26 477 мужчин и 7891 женщина. Таким образом, половая структура населения выглядела совершенно аномально — соотношение мужчин и женщин — 3,36 к 1. Уже одно это вызывало серьезные сомнения в возможности «нормальной» колонизации. Далее рассматривается половая структура по отдельным группам населения. Каторжных на Сахалине насчитывалось 5882 человека — 5207 мужчин и 615 женщин. Поселенцев — 9377 человек, из них 8425 мужчин и 952 женщины. Крестьян из ссыльных 7863 человека, включая 6916 мужчин и 947 женщин. Таким образом, эти три группы составляли 67,1 % населения острова. Вторая часть населения состояла из членов семей осужденных, как добровольно последовавших за ними, так и родившихся на острове. Эта группа насчитывала 8555 человек — 3618 мужчин и 4937 женщин — 24,9 % от всего населения. Офицеров и чиновников, служивших на каторге насчитывалось вместе с членами семей 356 человек — 206 мужчин и 150 женщин,

солдат и унтер-офицеров вместе с семьями 1523 человека, в т. ч. 1474 мужчины и 49 женщин. Всего эта группа составляла 5,46 % от всего населения. И, наконец, лиц, не связанных с каторгой, насчитывалось всего 872 человека — 631 мужчина и 241 женщина, что составляло ничтожное количество на общем фоне — 2,54 % от всего населения. Приведенные цифры означали, что 97,46 % населения Сахалина составляли люди, непосредственно связанные с каторгой и оказавшиеся здесь отнюдь не по своей воле⁸.

В итоге нам остается констатировать, что на вопросы автора имелись вполне однозначные ответы. Остров являлся лишь исключительно штрафной колонией, и количество свободных, не связанных с каторгой лиц, было столь малым, что вопрос о вольном заселении Сахалина носил разве что теоретический характер.

В главах XII и IV рассматривается колонизация Сахалина в сельскохозяйственном отношении. Приводя цифровые данные из «Обзора о. Сахалина» за 1900–1901 годы, исследователь отмечает, что к 1 января 1902 года население Сахалина стояло из 36 595 человек. За исключением ссыльнокаторжных, которых обеспечивала казна, воинских команд и чиновников. В 1901 году на острове числилось 4295 хозяйств, из них почти 53 % не имели зерна для осеменения полей и получали его из казны. В 1901 году оказалось, что это сельскохозяйственное население могло прокормиться собственным хлебом только 5 месяцев и 12 дней. Если учесть еще и картофель, то своим урожаем сельское население могло прокормиться только 117 дней, причем на прочие нужды хлеба не было. Подводя итоги, автор указывает, что средний ежегодный заработок на одного человека составлял от 6 до 13 рублей в разные годы. «Такие заработки не могут обеспечить никакого, даже самого нищеского существования, и, несомненно, голодный мор был бы хроническим явлением на Сахалине, если бы казна не приходила на помощь выдачею хлеба в натуре и кормового довольствия деньгами», — пишет А. А. Панов⁹. Администрация считает, что продовольствие каждого ссыльного обходится ей в 54 рубля. Помощь казны населению выразилась в 1900 году суммой 106 758 рублей, в 1901-м. — 135 447 рублей. В среднем за 7 лет (1895–1901) заработков себе не находили 23 % или

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 228.

⁸ Там же. С. 96–104.

⁹ Там же. С. 78.

почти четверть всех поселенцев. Кроме того, поселенцам выдаются ссуды на материалы, инструменты, сельскохозяйственные орудия, а также ссуды на приобретение скота. Анализируя отчеты главного тюремного управления, Панов показывает, как росла колонизационная лихорадка на Сахалине. В 1882 году на всем Сахалине было только 13 поселений. С этого времени, в связи с окончательным решением вопроса о сельскохозяйственной колонизации Сахалина, начинается поспешное образование новых поселений, и в 1898 году их насчитывается уже 136, причем с 1893 по 1897 годы было основано 63 поселения¹⁰. Некоторые селения устроены, неизвестно по каким соображениям, на морском берегу в таких местностях, где никакого сообщения с центральной частью острова. Таких восемь, к примеру, Маука в Корсаковском округе, два селения в долине реки Пильво в Александровском округе. Сообщение с ними только на паровых катерах два раза в год¹¹.

Но и там, где земледелие возможно, трудность раскорчевки участка, предназначенного для пашни и огорода, ведет к тому, что размер земельных участков (даже если нормой считать не 3 десятины на семью, а две) не обеспечивал свыше 89 % хозяйства¹². Вместе с тем, хотя и медленно, увеличивается площадь раскорчеванной из-под леса земли. Так, в 1895 году пахотной и приусадебной земли считалось на всем острове около 6 тысяч десятин, в 1900 году — более 7 тысяч, следовательно, площадь культурных земель увеличилась более чем на 20 %¹³.

Отмечается автором также тенденция, общая для всех округов Сахалина, к укрупнению хозяйств. Так, в Тымовском округе число хозяйств, имеющих от одной до двух десятин и выше, увеличилось в 5,5 раза, свыше трех — в 8 раз¹⁴. Такое хозяйство сосредоточивается в руках более сильного земледельца. Однако 57 % поселенцев рогатого скота вообще не имели и, следовательно, обрабатывали землю мотыгой и не имели возможности ее удобрять¹⁵.

Панов полагал, что если бы на Сахалине проводилась, как он выражается, «гуманная культурная политика», остров мог бы превратиться в важную территорию, имеющую большой

потенциал развития¹⁶. «Огульное третирование всех ссылаемых на Сахалин преступников как людей безнадёжных, взгляд на этот остров, есть, несомненно, такой же предрассудок, как и многие другие... А между тем этот предрассудок приносит неисчислимый вред Сахалину, заставляя опускать руки даже тех, кто хотел бы сделать что-нибудь доброе для Сахалина»¹⁷.

Но факты говорят сами за себя. Население Сахалина во все не стремилось обзаводиться развитым сельскохозяйственным производством на острове, а, напротив, стремилось при первой же возможности покинуть это неприятное им место. Вообще сельскохозяйственный потенциал Сахалина выглядит явно преувеличенным.

Не выдерживает критики и аргумент о предпочтительности вольной колонизации Сахалина. Хорошо известно, что переселение на Дальний Восток в те годы шло с очень большими трудностями, а Сахалин, с его сложными природно-географическими условиями, и вовсе не привлекал бы внимание переселенцев, что и подтвердил ход событий в 1906—1917 годах. Беды колонизации описаны автором весьма живо, но непонятно, каким образом «уважение к человеческой личности» могло бы решить проблему климата, неплодородных почв, нехватки первоначальных вложений и, наконец, строительства столь необходимых путей сообщения.

Таким образом, мы можем констатировать, что материал оказался сильнее намерений автора. Несмотря на либеральные иллюзии исследователя, приводимые им материалы, ясно свидетельствуют, что проблемы колонизации Сахалина лежали отнюдь не в недостатке либерализма в политике царского правительства.

¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹ Там же. С. 132.

¹² Там же. С. 151.

¹³ Там же С. 160—161.

¹⁴ Там же. С. 158.

¹⁵ Там же. С. 148.

¹⁶ Там же. С. 188.

¹⁷ Там же. С. 188.

Имя А. П. Чехова в топонимике Сахалинской области

Позволю себе не согласиться с Р. А. Блиновой, которая в своем выступлении на международной чеховской конференции в сентябре 2000 года говорила о тщетности создания чеховской традиции «снизу» на протяжении всей истории Сахалина¹. По ее мнению, конструирование чеховской традиции началось только в 1990-е годы и было связано с рядом мероприятий, предпринятых администрацией Сахалинской области. На мой взгляд, превращение Чехова в важнейшую составляющую сахалинской духовной культуры началось значительно раньше и было связано с формированием современных географических названий острова Сахалин. Пик этой деятельности «снизу» пришелся на 1940-е годы и происходил в ходе переименования японских географических названий на Южном Сахалине и Курильских островах.

Немного статистики

В ряду современных географических названий Сахалинской области Антон Павлович Чехов занимает заслуженное первое место. Его именем названо 16 географических пунктов. В этом отношении он значительно опередил Геннадия Ивановича Невельского, одного из несомненных фаворитов сахалинской антропонимики, чье имя носят 12 географических пунктов области. Для сравнения упомянем также геолога Иннокентия Лопатина и прославленного летчика Валерия Чкалова, чьи имена названо 10 точек, и адмирала Степана Осиповича Макарова, девять раз упомянутого на карте Сахалина.

Проекты послевоенного времени

Первым документом, предлагавшим проект переименования японских названий, было постановление Военного Совета Дальневосточного Военного округа № 15 «О новых наименованиях районов, городов и районных центров Южного Сахалина и Курильских островов», принятое в городе Тоёхара 22 марта 1946 г.

В нем, в частности, говорилось: «Обсудив доклад началь-

¹ Блинова, Р. А. Чеховская традиция на Сахалине: истории и смысл / Р. А. Блинова «А. П. Чехов и Сахалин» на пороге третьего тысячелетия. Материалы международной научной конференции 29–30 сентября 2000 г. — Южно-Сахалинск, 2001. — С. 11.

ника Южно-Сахалинского областного Управления тов. Крюкова «О замене наименований городов, районов и районных центров Южного Сахалина и Курильских островов», Военный Совет Дальневосточного военного округа постановил:

1. Внести на рассмотрение Президиума Верховного Совета РСФСР вопрос о замене японских наименований городов, районов и районных центров Южного Сахалина и Курильских островов на русские наименования.

2. Просить Совнарком и Верховный Совет РСФСР утвердить следующие наименования городов, районов и районных центров:

а) по Южному Сахалину:

1. Район Тоёхара с центром в гор. Тоёхара переименовать в Чеховский район с центром в гор. Чехов — в честь великого русского писателя А. П. Чехова»².

Это предложение, однако, у картографической комиссии Географического общества СССР и в Президиуме Верховного Совета РСФСР поддержки не нашло, и 5 июня 1946 года было утверждено современное название Южно-Сахалинска.

Варианты переименования основной массы населенных пунктов Южного Сахалина принимались от райисполкомов до лета 1947 года. Среди деятелей науки и искусства А. П. Чехов пользовался наибольшей популярностью, что свидетельствует о действительно народном признании писателя и начале формирования ассоциативного ряда Чеховский Сахалин — Сахалинский Чехов. Его именем было предложено назвать сразу четыре населенных пункта: Конума (с. Ново-Александровск), Бичасан (Украинка на восточном побережье полуострова Крильон), Найро (с. Гастелло) и Чисинай (ныне с. Люблино в Холмском районе).

Новые варианты названий населенных пунктов и географических объектов были рассмотрены на расширенном заседании картографической комиссии Географического общества. В ее состав вошли председатель картографической комиссии Географического общества П. П. Померанцев, член-корреспондент АН СССР профессор А. Н. Криштофович, член-корреспондент АН СССР профессор С. В. Обручев, заведующий отделом картографии Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина В. А. Бриллиант, главный редактор Морского атласа инженер-капитан 1-го ранга Л. А. Дёмин, помощник начальника

² ГАСО. — Ф. 171. — Оп. 3. — Д. 2. — Л. 1–3.

морского картографического института ВМС СССР капитан 1-го ранга К. А. Бельченко, начальник отделения транскрипции редакционно-издательского отдела Военно-топографического управления инженер-майор Л. Н. Павлов и научный сотрудник НИИ Военно-топографической службы лейтенант Ю. К. Ефремов. Активное участие в обсуждении проекта названий принял председатель Географического общества СССР академик Л. С. Берг. Работа комиссии закончилась утверждением проекта большинства рекомендуемых переименований Президиумом Совета Географического общества СССР.

«Списки населенных пунктов поступили, как рекомендации, в Верховный Совет РСФСР и», — как пишет Ю. К. Ефремов, — «попали в руки совсем неведомым мне референтам, которые начали их чистить и совершенствовать. С одним из референтов мне удалось связаться и предотвратить потерю части исторических названий. Но другая часть проекта Указа ускользнула от моих глаз, и в результате я с удивлением увидел, например, что именно Нода превратилась в Чехов (где Чехов никогда не бывал, — мы предлагали Рудановск). Чеховым хотели назвать Конуму — ибо «Ново-Александровское» хоть и старорусское, больно уж громоздко»³.

Ю. К. Ефремов раскрыл и другой секрет формирования современных географических названий: «Картчасти получили приказ «увязывать» речки и бухты с вновь утвержденными названиями поселков. Ну и увязывали, как могли. Речка Нода-гава становилась Чеховской и т. п.»⁴.

Он же рассказал историю происхождения названия одной из высочайших вершин Сусунайского хребта, у подножья которого раскинулся Южно-Сахалинск: «Пик Чехова был предложен мною еще в 1946 году и одобрен... заседанием в Политотделе Гражданского Управления. Так хотелось, чтобы высшая вершина хребта, украшающая Южно-Сахалинск, носила имя Чехова. И что же? За пиком, видимым с Ваших улиц, это имя утверждается. Но этот пик оказывается не высшей точкой хребта. Сразу же за ним торчит еще бугор, всего на 3–4 метра выше, но он был уже на соседнем планшете, и там топограф, ничтоже сумняшеся, назвал вершину Пушкинской, и она-то оказалась высшей точкой на Сусунайском хребте. Выяснилось это лишь

после вычислений высотных отметок, поэтому и проскочило у нас «сквозь пальцев». Прямо хоть ревнуй Пушкина к Чехову!»⁵

Современная топонимика

В январе 1952 года в Сахалинский обком ВКП (б) и обкомполком стали поступать предложения городских и районных комиссий по переименованию населенных пунктов и географических открытий (так в документе. — И. С.). Так, из Кировского района пришло предложение «переименовать, как устарелое» деревню Мало-Тымово в Чехово⁶. Надо сказать, что это предложение поддержки не нашло, и одно из старейших сахалинских селений было упразднено в 1973 году под своим первым названием.

Этим же временем датируется и предложение переименовать поселок Арково-берег в Береговой. Такое название тогда принято не было, но 18 мая 1965 года этому населенному пункту, возникшему на месте рыболовецкого совхоза им. А. П. Чехова, было присвоено наименование Чеховское⁷.

На современной карте Сахалинской области мы можем найти следующие географические пункты, носящие имя Антона Павловича:

1. Село Чехов.
2. Бухта Чехова в южной долине села Чехова.
3. Река Чеховка, впадающая в бухту Чехова.
4. Гора Чехов в Холмском районе высотой 553 м в Южно-Прибрежной цепи Камышового хребта.
5. Гора Чехова в долине реки Чеховки.
6. Мыс Чехова на южной окраине города Углегорска.
7. Река Чеховка, приток реки Августовки, впадающей в Татарский пролив в селе Бошняково в Углегорском районе.
8. Река Чеховка, приток реки Черноморки, впадающей в реку Лесогорку.
9. Река Чеховка, приток реки Кривая, протекающей в районе поселка Трудовое в Поронайском районе.
10. Гора Чехова на полуострове Терпения. Вероятно, названа так по созвучию или по ассоциации с японским названием мыса Энтон.
11. Река Чеховка на полуострове Терпения.

³ Из письма Ю. К. Ефремова А. Н. Рыжкову от 14.08.1956 г. — ГАСО. — Ф. 1100. — Оп. — 1. — Д. 99. — Л. 42.

⁴ Там же.

⁵ Указ. дело. — Л. 43.

⁶ ГАСО. — Ф. 53. — Оп. 1. — Д. 512. — Л. 54.

⁷ Административно-территориальное деление Сахалинской области. Документы и материалы. Южно-Сахалинск, 1986. С.13.

12. Пик Чехова высотой 1045 м.
13. Река Чеховка, берущая начало на склонах пика Чехова и являющаяся притоком реки Очепуха.
14. Чеховский перевал, ведущий из города Южно-Сахалинска в долину реки Очепуха, старожилы так же называют и короткий, но крутой перевал между селами Слюдянка и Красноярское в Холмском районе.
15. Село Чеховское в Александровск-Сахалинском районе.
16. Гора в Тымовском районе 1343 м в ряду высочайших вершин Сахалина, расположенных на Набильском хребте.

* * *

И еще одна деталь, касающаяся истории переименования населенных пунктов в послевоенные годы. По данным Ю. К. Ефремова, «Восстановлены были все названия селений, описанные Чеховым (изъятие было допущено лишь в отношении таких неладных имен, как Поповские Юрты, Кресты и Галкино-Враское — последнее происходило от фамилии одного из извергов-мучителей сахалинских каторжан — начальника главного тюремного управления)»⁸. Поэтому А. П. Чехова, не побоюсь этого сказать, можно назвать одним из творцов современной топонимики Южного Сахалина.

⁸ Ефремов. Ю., Русские имена на карте Сахалина // Ю. Ефремов Советский Сахалин — 9 октября 1964 г.

Русский характер в ранней прозе Анатолия Кима 1970–80 годов (на примере рассказа «Охотница»)

Рассмотрение природы русского характера — одна из основных проблем отечественной классической литературы XIX столетия, продолжившая свое развитие и в XX веке. Особенно интересно различные аспекты ментальных проявлений мировоззрения человека отражены в ранней прозе Анатолия Кима, дебютировавшего сборником «Голубой остров» (1976). Именно в этой книге писателем была представлена широкая галерея новых литературных героев: корейских переселенцев, обживающихся в несвойственных для их предков условиях. Вынужденный поиск другой родины, а вместе с ней и иной формы утверждения в жизни сопряжены со стремлением корейской диаспоры понять природу характера русских людей. Персонажи рассказов и повестей «Голубого острова» пытаются принять не присущий им ранее мир, приспособиться к тем или иным ментальным проявлениям русского народа, либо, напротив, выразить несогласие с ними. Через этот процесс постижения чужого национального сообщества, чужой культуры раскрываются и базовые характеристики того, что составляет понятие «русской души», «русского характера». Идейно-тематический уровень «Голубого острова» нашел свое продолжение и в книге Анатолия Кима «Невеста моря» (1987), основу которой составили как прежние произведения писателя, так и его новые работы. В сборниках «Голубого острова» и «Невесты моря» говорится об удивительных людях: их желания и мечты просты, но путь к ним прегражден разными испытаниями, в процессе преодоления которых персонажи раскрывают свои внутренние переживания. Одним из таких эмоциональных постижений становится определение свойств русского характера, русской души.

В книгах «Голубой остров» и «Невеста моря» определение национальной принадлежности становится особенно важным для писателя: причины многих поступков героев объясняются их национальностью. Вероятно, поэтому Анатолий Ким настойчиво подчеркивает национальную принадлежность различных персонажей: например, грузина Зураба (из одноименного рассказа), румынки Эльзы (рассказ «Месье»), киргизки Гаяны («Под сенью ореховых деревьев») и др.

Однако преобладание так называемых русских персонажей в многонациональном окружении героев произведений писателя намного шире и разнообразнее... В большинстве своем всем русским героям присущи такие черты, как покорность, щедрость, взаимовыручка, вспыльчивость, раздражительность — все они могут сочетаться в одном человеке либо, напротив, быть более ярко выраженными над иными проявлениями характера персонажа, его поведенческой модели. При этом Анатолий Ким показывает, что для понимания русской души, для воссоздания русского характера вовсе не обязательно быть русским по национальности.

Благодаря сравнительно небольшому объему, но емкому содержанию рассказов и повестей Анатолия Кима читатель имеет возможность зримо представить каждого из героев. Событийный ряд в произведениях из «Голубого острова» и «Невесты моря» максимально высок, поэтому многие из произведений малой прозы воспринимаются как миниатюрные романы, в которых очерчивается значительный промежуток жизни героя. Через лаконичные, но насыщенные знаковыми поступками эпизоды раскрывается человеческая судьба (насколько это возможно в художественном пространстве рассказа или повести).

Образ русского человека и характерные ему черты исследуются как во внутреннем проявлении, так и во внешнем. В случаях с некоторыми героями прозы Анатолия Кима национальность определяется исключительно по внешним признакам — цвету волос, разрезу глаз, деталям одежды. Намного сложнее передается гамма внутренних эмоций, характеризующих ментальность, национальный тип мышления. Одно из показательных в этом отношении произведений Анатолия Кима — рассказ «Охотница», главная героиня которого выписана в традициях «деревенской» прозы XX века. Это произведение о русской душе, все герои которого, в отличие от произведений «Голубого острова», являются русскими.

События «Охотницы» разворачиваются в глухой деревеньке Перхуровке на бескрайних просторах центральной России. Принадлежность героев к России, сосредоточие в себе типичных черт русского человека раскрываются Анатолием Кимом через разноплановые детали: и явные, и косвенные (например, через простонародные имена главных героев — Дуси, прозванной позже Охотницей, ее отца Софрона, фотографа Кузьмы и др.).

Самой существенной внешней характеристикой Охотницы становится следующее авторское определение: она «здоровенная,

ловкая» (239)¹. Подобная характеристика присуща многим героиням отечественной литературы, настоящим русским женщинам. Жизнь Охотницы Анатолием Кимом намеренно показана в нескольких ракурсах. Автор последовательно объясняет поступки и желания героини, чтобы избавить читателя от осуждения и неприятия Охотницы, многие шаги которой не вписываются в законы обывательской морали. Анатолий Ким говорит о широкой, открытой и любящей натуре Охотницы. Эта любовь распространяется не только на людей, но и на весь оживотворенный мир природы и, прежде всего, на лес. «Лес она любила во всякое время года <...> ... всегда ходила через лес одна» (240) — так замечает повествователь, воспроизводя портрет Охотницы, напоминающей Некрасовскую женщину, которая «коня на скаку остановит, / в горящую избу войдет». Охотница наделяется писателем исключительными чертами, одна из которых — это бесстрашие перед опасностью. Уверенность в своих силах укрепляется в героине после того, как она одерживает победу над волком, бросившись на «зверя, размахивая веревкой» (240). Весь мир героини зиждется на том, что она — дочь природы. Охотница слышит лес, не испытывая свойственного многим людям страха перед лесом и его дикими обитателями. Так, забирая в лесу тушу убитого отцом кабана, Охотница принимает волка за собаку, не страшась при этом дикого животного, повадки которого стремительны и непредсказуемы.

Как составляющая часть русского характера может восприниматься и женское одиночество Охотницы: «...народив кучу детей от разных мужчин, ни за кого из них не сумела выйти замуж» (240–241). В основе этой характеристики героини лежит страстное желание любить, любить искренне и насколько возможно долго. Вероятно, предчувствуя невозможность такой любви, такого союза, Охотница не связывает свою жизнь ни с кем из мужчин, которые встречались на ее пути: ни с женатым председателем, ни с «маленьким, но совершенно уверенным в себе» (250) художником, ни с агентом Кузьмой, ни с кем бы то ни было еще. Охотница ищет сердечной привязанности, ищет похожего на себя или близкого ей по духу человека. Не случайно Анатолий Ким заостряет внимание на том, что в фотографии Кузьме Охотница не находит свое отражение. Кузьма чужд ей, ведь она даже не могла «представить себя живущей в паре с этим белобрысым, каким-то пуганым, по утрам с трудом про-

¹ Здесь и далее по тексту рассказ «Охотница» цитируется по следующему изданию: Ким Анатолий. Невеста моря. — М., 1987.

дирающим глаза и ничего не умеющим делать парнем» (251).

История героини — это история ее любви, ее душевной привязанности. Люди, подобные Охотнице, любят один раз и всю жизнь. Первым отцом ее детей был председатель колхоза Илья Вахмистров, он же остался и ее единственной, самой сильной болью в сердце. После рождения сына Вахмистров покинул прежнюю семью и ушел жить к Охотнице. На протяжении всего рассказа Анатолий Ким поступками, поведением героев показывает, что для уверенного в себе человека, любящего по-настоящему, мнение других людей не важно. Русский человек поступает так, как чувствует. И это один из ведущих мотивов всей жизни Охотницы. Этому же сердечному призыву подчиняется однажды и Вахмистров. За свою щедрость, доброту и жалость (а герой «самовольно раздал часть хлеба — гарнцевый сбор с колхозной мельницы — вдовым семьям» (245)) председатель получил «долгий срок» (245), вместе с которым закончилось и семейное счастье Охотницы. Вахмистрова «увезли, и он сгинул без единой весточки» (245) — так лаконично формулирует писатель окончание женского счастья героини.

Все последующие отношения Охотницы с мужчинами диктуются привязанностями: героине по-женски жаль страдающих и неприкаянных отцов ее детей. В этой жалости (кажется, иногда созвучной любви или подменяемой ею) — особенность русского характера, женской души, сочувствующей и сопереживающей. Охотница именно жалеет, а не любит встречающихся ей мужчин. Появление каждого нового мужчины в жизни Охотницы соизмеримо с преднамеренно поставленной автором задачей. Охотница всегда стремится найти верное решение, основанное на естественном чувстве жалости и сострадания.

Охотница не ищет своего счастья, оно само находит ее. Однажды в жизни героини появляется художник. Появляется неожиданно и вместе с тем закономерно (ведь кто-то должен был прийти). Интересно, что мужчины остаются с героиней отчасти благодаря ее сердоболению, состраданию, сочувствию. А это еще одна отличительная черта русской души. Первоначально в рассказе Анатолия Кима художник выступает как обезличенная фигура. Лишь в самом финале произведения читатель узнает, что художника зовут «Михаилом Григорьевичем». Так называет его сама Охотница, произнося имя бывшего возлюбленного с уважением и по отчеству. Вспоминает же Охотница о художнике на кладбище, куда приходит проститься с Кузьмой. Возможно, что это неслучайно. Художник для героини находится где-то в прошлом, для нее он «умер», как и уже лежащий на погосте Кузьма.

Михаил Григорьевич был приезжим, жил незаметно в доме старухи Маречки, «занимался на поле и в лесу своим рисованием, медленно, сутулясь, проходил по улице» (248), «...никто так и не узнал, откуда он вдруг свалился» (248). Неинтересный для других, он стал для молодой женщины на время смыслом жизни. В этом «тщедушном пришельце» (248) Охотница с женской пронизательностью разглядела «совершенно уверенного в себе» (250) мужчину. Разглядела своим добрым, сострадательным к другим людям сердцем. Как-то, «идя с вечерней охоты» (249), героиня «наткнулась у обочины лесной тропы на валявшегося человека» (249). «...Он был в беспамятстве, — пишет Анатолий Ким, — рот залит кровью, глаза крепко закрыты» (249). Болезнь художника заставляет Охотницу взять на себя заботы о чужом и незнакомом ей человеке. Сама героиня рассуждает, что Маречка не сможет позаботиться должным образом о своем постояльце. Анатолий Ким не описывает подробно сцены расставания Охотницы и художника. «Однажды за ним приехала машина, и художник отбыл со всеми своими картинами, а ей пообещал написать письмо» (250). Этот единственный комментарий, определяющий уход художника из жизни Охотницы, похож и на лаконично сформулированное разрушенное счастье героини с Вахмистровым. По-видимому, и сама Охотница не замечает исчезновения из ее жизни когда-то близких ей людей. Жизнь воспринимается героиней как смена одних людей и событий другими. И потому появление каждого нового человека в ее судьбе она воспринимает за некую закономерность, за некий природный цикл, движению которого подчиняется и любимый Охотницей лес.

Вслед за художником в доме Охотницы появляется фотограф Кузьма, короткая жизнь с которым надолго остается в памяти героини. То ли от одиночества, то ли оттого, что Кузьма все-таки запал в душу Охотницы, но она едет навестить его в больницу. По-русски щедро везет гостинцы: «полмешка замороженных зайцев, деревенского масла и немного картошки» (252). Женщину очень неласково встречает жена (а вернее, вдова) Кузьмы — Нина. Но Охотница достойно справляется и с этим «испытанием». С русским человеколюбием, русской мудростью, формировавшейся веками, впитанной с молоком матери, она умиряет гнев Нины: «Я тебе, девка, ничего худого не сделала... А. Кузьмовых грехов тут тоже нету, а если и было что, то теперь не считается. На меня не обижайся, а дай-ко мне адресок до кладбища, где его могилка находится. Навестю Кузьму, да поеду домой» (254–255).

Русские люди, как известно, имеют какое-то особое почтение к могилам. Вот и Охотница едет «навестить» Кузьму, словно жи-

вого. Но на большом, уже покрывающемся сумерками кладбище Охотнице «никакими силами... не отыскать последнего прибежища несчастного Кузьмы» (255). От усталости, от внезапно открывшегося горя героиня останавливается у «первой попавшейся могилы» (255), чтобы искренне проголосить о своих женских страданиях, о своей женской доле. По безлюдному «городу мертвых» (255) разносятся горькие причитания Охотницы — отважной и смелой в сражении с хищным зверем, но по-русски несчастной и одинокой женщины. «Ой да ты сударь мой, сударь ненаглядный! Ой да че наскучился жить-поживать с хозяйкой своей! Да на кого ты оставил Саньку свою — ему свет сиротить, слезы сироте лить, куском чужим попрекаться! Че намучился, наскучился, ушел ты в отход, сударь мой, да без топора и без пилки лучковой! Да с того отхода никто назад не ворочается, деньги в платке домой не принесет, подарочком не отсылается! А спокинул ты всех, оставил, лучшу кралю себе нашел — тесину гробовую, лучших детушек — ангелов Христовых...» (255). Такими обрядовыми причитаниями сопровождалась похорона на Руси. И плач Охотницы похож на унаследованные героиней традиции жизни в деревне. В этих причитаниях, созвучных народной поэзии, одновременно сливается и неподдельное переживание по смерти отца одного из своих детей, и необходимость выполнения существующего ритуала — не говорить плохо о мертвых, но сожалеть об их уходе в иной мир.

Материнство воспринимается героиней как следствие ее неудачных поисков близкого мужчины. Привязанность к детям также определяется как важная черта русской души. Настойчиво учивший когда-то Охотницу стрелять и жить созвучно лесным законам отец главной героини Софрон Ефремович погибает на войне, так и не узнав, «что от единственной дочери станет вместо него множество внуков и внучек» (240).

Возможно, если бы Бахом (так прозвали отца Охотницы односельчане) так рано не ушел из жизни, то он непременно научил бы дочь созданию семейного гнезда. У отца с дочерью была незримая духовная связь. Это видно по первым страницам рассказа. Однажды, вернувшись с охоты, он отправил дочь в лес за оставшейся добычей. «Быстро расчесав перед зеркалом желтые кудряшки, словно не в лес собиралась, а на гулянье, она повязалась шалью, схватила с печурки варежки и отправилась выполнять отцово поручение» (239). На просьбу отца тогда еще совсем маленькая Дуся откликается стремительно, без недовольства, но даже с некоторой неподдельной детской радостью. Привыкнув во всем подчиняться своему отцу, она и во взрослой жизни ведет себя подобным образом с другими мужчинами.

Простая отеческая любовь Бахома проявляется в многозначительной фразе, сопровождающей подарок волчьей шапки дочери: «Носи, Охотница!» (240). Свое внимание к дочери Софрон Ефремович высказывает в незначительных, как кажется на первый взгляд, деталях: в том, что подаренная шапка была с «ушами» на случай ветров и морозов, в том, что данное Дусе прозвище «Охотница» было высшей похвалой человека, связавшего всю свою жизнь с лесом. Бахом не гневается на судьбу, пославшую ему — отважному охотнику — дочь, а не сына. Отец уверен в том, что и Дуся способна унаследовать его дар, поэтому он без упреков учит дочь стрелять по-особому, творчески, отрабатывая свою меткость «по приколотым на ветки бумажкам» (246).

Охотница терпелива и вынослива. Как и многие русские женщины, она смиренно несет свой крест. Будучи поставленной во время сенокоса, где «раньше работало две-три семьи» (242), на сложный участок, она не задает лишних вопросов, но принимает случившееся за неизбежность. Не сетуя на судьбу, она оставляет дома больную мать и без помощи других людей справляется с покосом. А после тяжелого дня, уставшая от непосильной работы, безропотно идет в сторону реки, чтобы ополоснуть водой сапог провалившегося в трясину председателя. Бесцеремонность председателя в обращении к ней воспринимается без протеста. Охотница обладает народной мудростью, потому что живет в гармонии с природой, видит ее, слышит, чувствует. Мудрость героини состоит в том, что она соглашается со всеми испытаниями жизни, не гневаясь и не горюя о своей доле. Принимая в себя весь мир, она любит его целиком — с его радостями и печалью.

Композиция рассказа преднамеренно выстроена Анатолием Кимом таким образом, чтобы продемонстрировать близость главной героини к природе: где бы ни была Охотница, что бы она ни делала, ее сопровождает природа. Охотница живет в ней. Время от времени она «видит» волка, из шкуры которого отец когда-то сшил ей шапку. Охраняет ли призрак волка героиню, оберегает ли, предупреждает ли о неприятностях, выступает ли знаком беды? В любом случае для Охотницы волчья шапка — это реальность, естественная для природы: «И подивилась про себя Охотница такой несуразности: что шапка волчиная на ней, а сам зверь вроде бы стоит все еще там, где стоял когда-то. Словно никуда время не сдвинулось» (246).

Подобно обитателям леса, Охотница живет вне времени: она не оглядывается назад, не думает о будущем. Но все принимает как должное. В характере героини — смиренность, выработанная веками в русских людях. После похорон матери Охотница

Антоша Чехонте – мастер художественной антропоники

приходит домой и достает «из чулана отцовское ружье». Ей нужно кормить детей, у нее нет времени сосредоточиться на своем горе. Тоска по матери не покидает Охотницу, но героиня включается в работу, забывает о себе — и в этом образец жизнестойкости, которая дополняется умением этой деревенской женщины быть равнодушной к людской молве. Меткость, уверенность Охотницы в стрельбе односельчане связывают с колдовством. Один из героев говорит, что «Охотница знает некое слово, на которое идет лесной зверь» (247). Между тем «лесной зверь» подчиняется сильной воле Охотницы, ее желанию жить.

Образ Охотницы задан как контрастный в сопоставлении с еще одной героиней рассказа, с женой председателя — вспыльчивой и импульсивной Настей. Если Охотница олицетворяет собой природу, то жизнь Насти, напротив, является образцом отхождения от природного начала, стремления к иным устоям, близким современной цивилизации. В отличие от Охотницы Настя замужем, но ее брак с мужем формален. Председатель «живет с женой плохо» (244) и часто «ночует в конторе» (244). Но, узнав о связи мужа с уборщицей, Настя врывается в «правленческую избу с большой мутовкой в руке» (244), рассекает лоб противнице и разбивает окно. Переживания Насти открыты, стремительны и эгоистичны. Невзирая на давно потерянные чувства к мужу, измену супруга она воспринимает как личное оскорбление, из-за которого Настя, не отдавая себе отчета, готова пойти на любое насилие. В противовес Насте живет Охотница, которая не терпит лжи, соизмеряя свои поступки с той естественностью, которая есть в природе. Именно поэтому характер Охотницы уникален, он хранит в себе часть древнего мира. Героиня умеет слиться с тем, что ежедневно окружает ее в лесу, уподобиться тому, что несравнимо с городской жизнью. Чтобы не промахнуться на охоте, она ощущает свое единство с ружьем, а возвращаясь с кладбища, уставшая Охотница чувствует себя деревом, ветви которого, подчиняясь слабым порывам ветра, могут отдохнуть.

«Охотница» Анатолия Кима — это произведение о многоликости русского человека, о гармоничном укладе его душевного мира. Большая часть событий этого рассказа происходит в деревне — в том месте, где еще сохранился простой, но крайне важный для развития семейных ценностей уклад. В «Охотнице», как и в «Голубом острове», герои которого живут вдали от «большой земли», русский характер раскрывается наиболее полно, так как все желания и поступки героев диктуются и соизмеряются с миром природы, противостоящей условиям городской цивилизации.

Фамилии персонажей — одна из выразительных художественных деталей. Как отмечал Ю. Тынянов, «...в художественном произведении нет неговорящих имен. В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое оно только способно» [5, 27]. Вывод очевиден: для художественного произведения имена небезразличны.

Имя персонажа — одно из средств, создающих художественный образ. Оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, содержать характеристические черты личности.

Об именах героев литературных произведений написано немало работ. Но, как отмечает В. Никонов, «...об именах персонажей пишут много и плохо. Берутся за это, в большинстве не понимая трудностей» [3, 234]. Исследуя антропонию чеховских произведений раннего периода, мы в полную меру осознали справедливость этого замечания. И все же сочли нужным внести свою, пусть незначительную лепту в разработку этой проблемы.

Для Чехова фамилии персонажей всегда составляли одну из существенных забот. Он зорко приглядывался к семейным именам современников, записывал звучные, характерные имена в своих тетрадях: Зигзагин, Ослицын, Дербалыгин, Рыцборский и т. п. Он вслушивается, прикидывает — к какому из его будущих героев могло бы подойти то или другое наименование. Да и сам он не чуждался называться придуманными именами. В своих письмах друзьям называл себя то графом Черномордиком, то Аркадием Тарантуловым (позднее эти фамилии он «подарит» своим литературным героям), а то и Шиллером Шекспировичем Гете. А ранние произведения подписывал различными псевдонимами: Г. Балдастов, Лаэрт, дон Антонио Чехонте, Рувер и, наконец, знаменитый Антоша Чехонте.

Свой интерес к поиску интересных фамилий Антон Павлович передал герою рассказа «Perpetuum mobile», доктору Свищицкому, который «...лежал на диване и, от нечего делать, читал в «Календаре для врачей» фамилии петербургских и мо-

сковских докторов, стараясь отыскать самую звучную и красивую» [8, Т. 2, 328].

В нашей работе по анализу антропонимов, взятых их произведений А. П. Чехова (1880–1887), мы воспользовались классификацией «говорящих» фамилий литературных героев, предложенной Б. Унбегаумом [6, 188–195] фамилии, характеризующие профессиональную деятельность персонажей; фамилии, указывающие на социальное положение; фамилии, отображающие моральные качества литературных героев; причудливые фамилии.

Хорошо зная с детства жизнь купцов, лавочников, Антон Павлович в своих ранних рассказах обыгрывал их наименования. Он создал ряд правдоподобных наименований представителей торгового люда. Например: Грешкин, Пятирылова, Размахалов, Кашалотов, Кричалов, Лубцоватский (прозрачное образование от «лупцевать»), Висляев (В. Даль: висляй «праздничный шатун, повеса») и другие. Фамилии, как видим, действительно «говорящие» и не требуют комментариев. Среди фамилий этой группы не все, конечно, нелицеприятные, есть и такие, которые только несколько снижают образ литературного персонажа (Хихикин, Ескимосов, Переулков, Водянкин...), есть и нейтральные (Луков, Гусин, Солодовников...).

Не был обойден вниманием писателя и артистический мир. Он придумал немало сценических псевдонимов для своих персонажей — актеров и актрис. Но поскольку настоящие артистические псевдонимы являлись искусственными, то выдуманные Чеховым не выглядят слишком неправдоподобными. Например: Светловидов, Виоланский, Семирамидина, Милославский... Хотя необходимо отметить, что и здесь он награждает своих героев «говорящими», зачастую не очень благозвучными именами. Вот некоторые из них: Прилипчина, Балабайкин, Размахайкин, Свирипеева и т. п.

Чехов, зная об увлеченности артистов выбирать в качестве псевдонимов двойную (аристократическую!) фамилию, тонко подметил стилистический контраст между паспортным именем и сценическим: «Брама-Глинский (так он зовется по театру, в паспорте он значился Гуськовым) отошел к окну ... и стал глядеть на улицу» [8, Т. 4, 347]. Но если Брама-Глинский звучит по-аристократически, Дольская-Каучукова с небольшой долей иронии, то такие двойные фамилии, как Кишкина-Брандахлыцкая (В. Даль: брандахлыст «жидкий, плохой суп»), Щипцов-Закоулкин, Фениксов-Дикобразов, звучат безудержно, принижено. Фамилия Воробьев-Соколов (комик) построена по принципу сближения противоположностей.

Интересны фамилия, имя и отчество трагика из рассказа «Юбилей» — Тигров Василиск Африканыч, где Тигров от крестильного имени Тигрий, Василиск от греч. «зверь» и этимологически ясное отчество Африканыч (от крестильного имени «Африкан»).

Большое количество антропонимов представителей высшего и среднего командного состава указывает на их нравственную и профессиональную несостоятельность. Например: Скотов, Крокодилов, Раздавиллов, Вывертов, Брындин (В. Даль: брындать «бить баклуши»), Дубякин, Шмыгалов (В. Даль: шмыга «шатун, повеса») и т. п. Или им придаются такие фамилии, как Запупырин, Зюмбумбунчиков, Финтифлеев, Фонтрябкин, Стремоухов и т. п., которые снижают образ человека, призванного служить во славу Отечества. Есть ряд небезынтересных наименований, отличающихся своей искусственностью, неправдивостью, похожестью на семинарские: Пепсинов (пепсин «фермент желудочного сока»), Кардамонов (кардамон «пряное растение»), Обтемперанский (темперамент?).

Особо надо отметить тот факт, что Чехов придавал стилистическую выразительность не только русским фамилиям, но и иностранным, в большинстве случаев немецким. Только один раз в рассказе «Исповедь, или Оля, Женя, Зоя» он дает перевод фамилии устами героя произведения: «Она теперь замужем за вашим соседом Карлом Ивановичем Ванце (а гророс: по-немецки Ванце значит... клоп. Не говорите этого Жене, она обидится)» [8 т. 1, 135]. В остальных случаях, если читатель незнаком с немецким языком, необходимо воспользоваться словарем, чтобы разобраться в антропонимической фантазии Чехова. Например: фон Бурст (die Bürste «щетка»), Киршмахер (die Kirsche «вишня» и der Macher «изготовитель»), Тирборк (das Tier «зверь» и borgen «брать взаймы»), Ферфлюхтершвайн (die Flucht «бегство», das Schwein «свинья») и т. п.

В некоторых пародийных произведениях А. Чехов использует испано-португальские антропонимы. Но придумывает их так, чтобы российский читатель, не знающий соответствующих языков, понял авторский антропонимический юмор. Приведем несколько фамилий из рассказа «Жены артистов. (Перевод... с португальского)»: дон Барабанта-Алимонда, Петрученца-Петрурио Петр, Дубадолла Свист, Тараторионе-Бурдажио и т. п.

В сатирической обрисовке всегда заметную роль играли фамилии действующих лиц, подбираемые с расчетом на разоблачение и осмеяние. И Чехов широко и постоянно пользовался этим приемом художественной типизации, что позволяет сгруппировать персонажей не только по профессиональному

или национальному признакам, но и по морально-нравственным. Мы выделили несколько групп действующих лиц.

По принципу деспотизма: Укусилов, начальник железнодорожной станции; Любоедов-Хватов, урядник; Змиежалов, законоучитель; Тарантулов, учитель математики; Залихватский, полицмейстер; Потрошилов, купец; Пришибеев, унтер-офицер и т. п.

Группа, выражающая общую умственную и нравственную ограниченность: Балбинский, прокурор; Шельма, староста; Мошенников, присяжный поверенный; Лъстецов, акцизный; Идиотов, автор «Самоучителя пламенной любви, или «Ах, ты, скотина!» и т. п.

В основу собственных имен А. Чехов зачастую берет физические или физиологические признаки, создающие неприятное впечатление, снижающие персонаж в глазах читателя или делающие его смешным: Замухришин, «помещик из оскудевших, маленький старичок с кислыми глазками»; Чертолобов, доктор; Гнилодушин, «ваше высокоблагородие»; Тупоносов, чиновник; Невиннова, девица и т. п.

В отдельную группу можно выделить сановных лиц. Писатель наделяет их именами, которые сами по себе или в сочетании с высоким титулом (граф, князь) производят просто комическое впечатление и низвергают носителя такой фамилии с официального пьедестала. Например: Канителин (князь), Дырина (графиня), Дублеве (граф), Шкаликов (граф), Запискина (княжна), Фингалов (князь), Рубец-Откачалов (граф), Хронская-Запятая (княжна) и т. п.

Выразительным может стать имя и с бесцветным этимологическим значением его лексической основы, если возникает несоответствие между ним и персонажем. Слова зельтерская вода, тюльпан, кринолин, лимонад и другие не вызывают неприятных ощущений. Но фамилии чеховских персонажей Зельтерский, Тюльпанский, Лимонадов, Кринолинов резко снижают образы действующих лиц.

Нельзя обойти вниманием и фамилии, отличающиеся своей причудливостью. Они весьма разнообразны, что в большинстве случаев указывает на их искусственность. Чехов был большим мастером по части их придумывания. Например: Фантазмагорский, Уехал, Обшиаவிшили, Бланманже (желе из сливок), Бабельмандебский (морской пролив), Антр-Ну-Суади (фр. «между нами будь сказано»), Длечегов и т. п.

Видимо, самой невероятной из причудливых фамилий была фамилия подруги институтки Наденьки N — Пешеморепереходященская. Может быть, по своей причудливости ее превзош-

ла бы фамилия Трифона Семеновича из рассказа «За яблочки». Но Чехов ее зашифровал, оставив только ряд намеков на то, какой она должна быть. Приведем частично чеховский пассаж. «Фамилия Трифона Семеновича длинна, как слово «естествоиспытатель», и происходит от очень звучного латинского слова, обозначающего единую из многочисленнейших человеческих добродетелей...Трифон Семенович — препорядочная-таки скотина... он, наверное, не рассердится... за то, что я его длинной фамилии по миру не пустил, а ограничился на этот раз только именем и отчеством...» [8, т. 1,39]. Есть над чем поломать голову любителям шарад.

Подобного рода игра автора с читателем, приглашающего последнего принять посильное участие в придумывании фамилий литературным персонажам, наблюдается и в рассказе «Осенью». Один из его героев, рассказывая историю падения на «дно» жизни своего бывшего барина, винит в происшедшем жену этого помещика, сбжавшую к любовнику, «к аблакату». «Марьей Егоровной, подлая, прозывалась, а фамилия такая чудная, что и не выговоришь» [8, т. 2, 240].

Необходимо отметить, что Чехов в своих произведениях редко обыгрывает устами героев их собственные фамилии. Мы обнаружили, помимо вышеприведенного примера еще два. В рассказе «Мелюзга» главный герой чиновник Невыразимов Иван Данилыч, сочиняя то ли поздравительное письмо, то ли донос и мечтая о повышении по службе, сетует: «С моей осанкой недалеко уйдешь! И фамилия преподлейшая: Невыразимов! Одним словом, брат, положение безвыходное». Да и выразить в письме-доносе свои мысли он не может. «Донести = то можно, да как его сочинишь! Надо со всеми экивоками, с подходами... А куда мне! Такое сочиню, что мне же потом и влетит. Бестолочь...». [8 т. 3, 210–212] В рассказе «Пустой случай» ситуация с фамилией противоположная. В коротком разговоре с незнакомыми людьми главный конторщик при экономии госпожи Кандуриной, помимо того, что он представился: «...я — Гронтовский...», еще два раза с явным удовольствием произнес свою фамилию. И автор — рассказчик замечает: «Он наслаждался своим снисходительным тоном, любезностью, манерами и с особенным чувством произносил свою звучную фамилию, которую он, вероятно, очень любил» [8, т. 5, 300–301]. Во всех остальных произведениях автор никак не комментирует имена своих персонажей, отдавая приоритет в этом читателям.

Чехов в период Антоши Чехонте находимся настолько сильно под влиянием придумывания фамилий, что в двух его произведениях они занимают центральное место, оттесняя на

второй план и сюжет, и действующих лиц. В рассказе «Лошадина фамилия» на две фамилии действующих лиц — Булдеев и Овсов придумано сорок, прямо или косвенно связанных с лошадьми. Да еще восемь так и остались в вариантах этой чеховской юморески. Другое произведение — «Страшная ночь». Здесь весь комизм положения основан на игре загробными фамилиями и загробной топонимикой. Герой рассказа Панихин живет у Успения-на-Могильцах в доме Трупова. У него есть друг Упокоев, квартирующий в доме купца Черепова, что в Мертвом переулке, а также приятель Погостов, который живет в доме статского советника Кладбищенского. Общий знакомый этих господ — Челюстин.

Во многих случаях А. Чехов не ограничивается только подачей фамилии персонажа для его характеристики, а показывает, что действия героя вполне соответствуют его наименованию. Вот, например, Запойкин из рассказа «Оратор», который «может говорить когда угодно: спросонок, натошак, в мертвецки пьяном виде, в горячке» [8, т. 5, 379]. Или Брыкович, «ныне живущий без дела у своей богатой супруги», из рассказа «Жилец». Он «задышался от негодования и злобы» на свою жену. «Ему хотелось браниться, кричать, топтать ногами...»

Таковы выразительные параллели между этимологическим значением имени и характером его носителя. Очень редко встречается обратное соотношение, когда фамилия героя контрастирует с его внешностью или поведением. Характерен в этом отношении рассказ «Закуска», в котором А. Чехов применил оба эти приема художественной стилистики. Прекрасновкусов аппетитно вкушает отличную закуску, приготовленную, кстати, не для него. А вот и его приятель — «маленький чахлый человечек...». «Рекомендую! — сказал Прекрасновкусов, указывая на чахлого человечка. — Илья Дробискулов!» [8, т. 2, 127].

Суммируя все вышеизложенное, мы видим что Чехов был блестящим мастером художественной антропонимии. Имена собственные занимают почетное место в словарном богатстве его произведений, являются одним из существенных элементов раннего творчества.

Краткий антропонимический анализ произведений раннего Чехова (1880–1887.), проведенный нами, дал самое общее представление об искусстве великого русского писателя характеризовать персонаж и свое отношение к нему одним словом, что наиболее заметно в выборе его фамилии. В то же время выбор имени — одно из средств краткого, сжатого художественного повествования. Множество эпизодических лиц теснится на чеховских страницах. Появляясь на короткое время,

не участвуя зачастую в основном действии, а порой просто упоминаемые другими персонажами, они даны одним — двумя штрихами или наделены только фамилией. Так возникает портрет, миниатюрный, но чрезвычайно выразительный. Фамилия вполне заменяет пространную характеристику и награждение подробностей.

Анализируя антропонимику чеховских произведений, можно прийти к однозначному выводу: в короткий срок Чехов пришел от юмористического стиля к сатире, к постоянному развитию и углублению сатирического начала в своем творчестве.

В заключение хочется отметить, что в процессе работы над данной темой нами составлены алфавитные указатели фамилий (около 1400) и имен (около 1400) по первым шести томам Полного собрания сочинений А. П. Чехова.

Литература

1. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка т.т. — 1–4 / В. Даль. — М., 1989–1991.
2. Немецко-русский словарь. — М., 1974
3. Никонов, В. Имя и общество / В. Николаев. — М., 1974.
4. Никонов, В. Словарь русских фамилий / В. Николаев. — М, 1993.
5. Тынянов, Ю. Архаисты и новаторы / Ю. Тынянов. — Л., 1929.
6. Унбегаум, Б. Русские фамилии / Б. Унбегаум. — М. 1989.
7. Успенский, Л. Слово о словах. Ты и твоё имя / Л. Успенский. — Л, 1962.
8. Чехов, А. Полное собрание сочинений: Т. 1–6 / А. Чехов. — М., 1989–1991.

Мотивы криминального сюжета в творчестве

А. П. Чехова

Говоря о многогранной личности А. П. Чехова и о различных сторонах его творчества, обычно мы вспоминаем, что он был не просто писателем и земским врачом, но и «тончайшим психологом», и «писателем-эстетом». Однако существует еще одно достоинство, которым обладал Чехов-писатель: он достаточно профессионально писал рассказы на криминальную тематику: «Мертвое тело», «Следователь», «В суде», «Спать хочется», «Шведская спичка», «Драма на охоте» и многие другие. Чехов-криминалист — вот еще одно определение талантливой личности писателя.

После Сахалина у него появляются такие замечательные, глубокие рассказы, как «Убийство», «В овраге», «Мужики», «Бабы» и др. В их основе лежит криминальный сюжет. Рассматривая эти произведения, становится понятно, почему автора интересует уголовная тематика. Сахалинская каторга настолько поразила Чехова, что позже в своем творчестве он не просто пытается осмыслить и показать причины, побуждающие его героев совершать те или иные преступления, но и изображает душевные волнения тех, кто оказался на пути преступления и наказания. Но в то же время нам известно, что писатель еще задолго до сахалинской поездки написал ряд произведений на уголовную тематику. Значит, интерес к данной теме возник у него в начале творческого пути. Какие причины заставили обратиться молодого писателя к этой теме? Что это: дань моде или мировоззренческая позиция автора привлечь внимание общественности к подобной проблеме?

Весной 1884 года А. П. Чехов получил звание уездного врача. С этого времени Чехов с удовольствием занимается медициной, но и не оставляет литературный труд.

На протяжении двух лет он уделяет литературе только свободное время: «несколько часов в день и кусочек ночи». «Медицина, — замечает он, — не адвокатура: не будешь работать, застынешь»¹. Любопытно, не правда ли, его противопоставле-

ние медицины адвокатуры? Почему не литературе, что, в общем-то, ему ближе по духу? Возможно, потому, что сам Чехов был убежден в том, что писатель, прежде всего, должен быть не прокурором, а адвокатом. А возможно, ответ на этот вопрос кроется в деятельности А. П. Чехова как земского врача. Работая в Чикинской больнице, он не только принимает больных в амбулатории, ездит на вызовы, но и по долгу службы участвует в судебно-медицинских вскрытиях. В письме к Н. А. Лейкину от 27 июня 1884 года он подробно описывает одно такое судебно-медицинское вскрытие, которое проводил вместе с уездным врачом в присутствии судебного следователя: «Труп в красной рубахе, новых портах, прикрыт простыней... На простыне полотенце с образком. ...Вскрытие дает в результате перелом 20 ребер, отек легкого и спиртовой запах желудка. Смерть насильственная, происшедшая от задушения. Пьяного давили в грудь чем-то тяжелым, вероятно хорошим мужицким коленом»². Этот случай, подробно описанный в письме, стал сюжетом рассказа «Мертвое тело», который впервые был опубликован в «Петербургской газете» в 1885 году.

Постоянная врачебная практика заметно обогащала художественную тематику его произведений. Чехов становился невольным свидетелем житейских конфликтов и драм. Медицинская практика давала писателю знания. «Недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь, — писал он А. С. Суворину 15 ноября 1888 года»³.

Вполне вероятно, что интерес Чехова к криминальному сюжету возник в то время, когда он, еще будучи студентом, прослушал курс судебной медицины. На четвертом курсе он пишет своему брату Александру: «...Кроме экзаменов (кои впрочем, еще предстоят только), к моим услугам работа на трупах». В этот период он пишет рассказы на уголовную тематику: «Случай из судебной практики», «Верб», «Вор», «Шведская спичка», «Драма на охоте» и т. д.

Впервые рассказ «Случай из судебной практики» был напечатан в журнале «Зритель» в 1883 году с подзаголовком: Уголовный рассказ. Критик Ф. Змиев (Ф. И. Булгаков) относил этот рассказ к числу произведений, в которых «проглядывает

¹ Шубин, Б. М. Доктор Чехов / Б. М. Шубин. — М., 1982. — С. 37.

² Маслов, А. Третья профессия Антоши Чехонте / А. Маслов // Милиция. — 1993. — № 1. — С. 38–40.

³ Чехов, А. П. Письма. ППС / А. П. Чехов. — М., 1949. — Т. XIV. — С. 233–234.

несомненное дарование» автора⁴. В рассказе, написанном с присущими автору иронией и юмором, показан процесс суда над мещанином Сидором Шельмецовым. Сама фамилия персонажа уже дает представление, кто перед читателем. Дополняет характеристику образа описание внешности героя: «...малый лет тридцати, с цыганским подвижным лицом и плутоватыми глазками». Все эти детали как бы утверждают, что на скамье подсудимых он оказался не случайно. А обвиняли его «в краже со взломом, мошенничестве и проживательстве по чужому виду». Но подробное описание самих его преступлений в сюжете отсутствует. Автор в рассказе в значительной мере делает акцент на речь защитника подсудимого. Слова его настолько были проникновенны, что многие в зале начинали рыдать, а дам, одну за другой, выносили из зала суда. Не устоял даже прокурор, уже сказавший свое слово обвинения: «...беспокойно завертелся на кресле, покраснел и стал глядеть под стол...Слезы засверкали сквозь его очки». Он готов был изменить свое решение. Но защитник, видимо, переусердствовал. Конечно, каждый адвокат преследует одну цель: облегчить участь подсудимого, а, возможно, освободить его из-под стражи. Защитник же, обладая, несомненно, даром красноречия, миновал факты, «а напирал больше на психологию». В результате, расчувствовался сам и расчувствовал своего подопечного. Тот «замигал глазками, заплакал...

— Виноват! Сознаю свою вину! Украл и мошенства строил!..

И подсудимый рассказал, как было дело. Его осудили!»⁵

Уголовная тема продолжает волновать писателя.

Рассказ «Верб» впервые был напечатан 1883 году в журнале Н. А. Лейкина «Осколки» № 15. По мнению критика К. Арсеньева, в «Верб» «психология автора остается до крайности элементарной, и рассказ соприкасается, по временам, с дневником происшествий». Но уже в этом рассказе А. П. Чехов приводит читателей к мысли, что в любом случае преступник будет раскаиваться за содеянное им преступление, даже если оно останется не раскрытым. Совершив убийство почтальона, ямщик чудесным образом остается неразоблаченным судебными органами. Но не испытав разоблачения и суда, он постепенно сходит с ума,

⁴ Чехов, А. П. Комментарии. ППС в 30-ти томах / — А.П.Чехов. — М., 1983 — Т. II. — С. 493.

⁵ Чехов, А. П. ППС в 30-ти т. / А. П. Чехов. — М., 1983. — Т. II. — С. 86—88.

не справившись со своими душевными переживаниями. Преступление тяжким бременем ложится на его плечи, и это становится самым страшным его наказанием. И однажды ему «пришлось бежать от совести в воду...» Ямщик утопился, потому что те, кто должен был привлечь его к ответственности, не захотели осложнять себе жизнь: «Чего на себя клепаешь, дурак! ...Перебесились все, мерзавцы! Только путают дело... Преступник не найден — ну, и шабаш! Что ж тебе еще нужно? Убирайся!»⁶ Такой ответ он услышал в участке, куда пришел с повинной.

В следующем номере журнала «Осколки» 1883 года был опубликован рассказ «Вор». Само название определяет тему произведения. Это был первый рассказ, где действительность изображается через восприятие героя, и этот принцип выдержан на протяжении всего рассказа. Герой, Федор Степаныч, находится в сибирской ссылке, куда попадает за кражу денег для любимой женщины. Автор передает его душевное состояние, тоскующего по родным местам, переживающего предательство своей возлюбленной Оленьки; чувствующего себя изгоем, чужим, никому не нужным и не интересным. Но герой понимает, что даже в ссылке люди могут прекрасно пристроиться, если у них есть деньги. «Мимо ворот на новенькой пролетке катил его земляк Барабаев. Земляк был в цилиндре и под зонтиком.

«Визиты делает! — подумал Федор Степаныч. — И тут, скотина, сумел примазаться... Знакомых имеет... Было б и мне побольше украсть!» Герой не сожалеет о совершенном преступлении, потому что и здесь, в ссылке, видит несправедливость. И еще больше ожесточается. В приступе гнева убивает глупую птицу, которая жила в клетке у него в комнате. Размышления героя этого рассказа впоследствии формулируются в мысль автора в книге «Остров Сахалин» о том, что каторга человека не исправляет, а губит его морально и физически. Уже в ранних рассказах Чехова на подобную тематику, можно отметить, автор задумывается над проблемой наказания преступников. В этих рассказах прослеживается глубина мысли писателя и чувствуется душевный надлом героев.

Не пренебрегал А. П. Чехов и шуткой над злободневными явлениями хроники происшествий⁷. В 1884 году в Альманахе

⁶ Чехов, А. П. ППС в 30-ти т. / А. П. Чехов — М., 1983. — Т. II. — С. 102—105.

⁷ Измайлов, А. А. Чехов. Биография / А. А. Измайлов. — М.: Захаров, 2003. — С. 112.

«Стрекозы» впервые был опубликован рассказ «Шведская спичка». Об этом рассказе Чехов написал в письме от 19 сентября 1883 года к Н. А. Лейкину: «...а суть — пародия на уголовные рассказы. Вышел смешной рассказ». Называя «Шведскую спичку» пародией на уголовные рассказы, Чехов, несомненно, имел в виду многочисленные сочинения «уголовного» жанра, занимавшего видное место в малой прессе 80-х годов XIX века.

В 1884 году в газете «Новости дня» вышло серьезное произведение Чехова «Драма на охоте», которое представляет не только художественный, но и криминалистический интерес. В статье «Третья профессия Антоши Чехонте» кандидат медицинских наук А. Маслов утверждает, что писатель при работе над сюжетом произведения использовал личный опыт, полученный в результате проводимых судебно-медицинских экспертиз, и профессионально с этим справился. В произведениях Чехова нельзя оспорить, — по мнению А. Маслова, — ни одной судебно-медицинской детали.

Героиня «Драмы на охоте», Оленька Урбенина, найдена смертельно раненой в лесу. А. Маслов подробно, с профессиональной точки зрения рассматривает это произведение⁸: «Чехов предусматривает даже такую деталь, как присутствие следователя на вскрытии тела Урбениной, производимого земским врачом. Протокол составлен с соблюдением всех требований, предъявляемых к судебно-медицинским документам. Из текста видно, что автору неоднократно приходилось самому производить вскрытия, исследовать и описывать повреждения, что, хорошо знают судебные медики, требует не только теоретических, но и достаточно практических навыков. А. Чехов проявляет профессиональный интерес к тщательному осмотру и исследованию одежды. ... А. П. Чехов доносит до читателя существенные детали вскрытия, со знанием дела описывает резаные, колото-резаные... раны, не забывает установить локализацию, глубину повреждений, отметить состояние краев и рубцов раны. На основании исследований Урбениной, ее одежды врачи конструируют картину произошедшего преступления.

«Драма на охоте» — произведение художественное, но методически верно раскрывает возможности судебно-медицинской экспертизы».

И здесь А. Чехов не отступает от своего правила правдиво

изображать жизнь. Именно об этой особенности творчества писателя говорил К. И. Чуковский: «...Будет уместно отметить еще одну чудесную черту в психическом облике Чехова. Черта эта определяла собой характер всего его творчества. Эту черту я назвал бы: максимализм правдивости»⁹.

Знакомясь с деятельностью и сахалинским творчеством А. П. Чехова, а именно. С теми рассказами, в основе которых лежит криминальный сюжет, можно предположить, что писатель еще задолго до принятия решения отправиться на Сахалин «запрограммировал» себя на эту поездку. Уже в 80-е годы его интересовали судебная система, уголовное право, проблема пожизненности наказания, которая для того времени была очень острой и важной. Эта тема нашла отражение в рассказе «Пари» (1888 г.). В нем есть такие размышления молодого А. Чехова: «Казнь убивает сразу, а пожизненное заключение медленно», «то и другое одинаково безнравственно..., потому что имеет одну и ту же цель — отнятие жизни...»¹⁰ В рассказах этого периода у Чехова отчетливо прослеживается тема одиночества и человеческого отчуждения. Человек становится одинок тогда, когда вокруг него происходит непонимание, повсюду он сталкивается с равнодушием. Герои в рассказах А. П. Чехова равнодушны и отчуждены не в силу своих недостатков, а в силу всеобщих свойств мира. Вспомним рассказ «Спать хочется», написанный во второй половине 80-х годов XIX века. В нем автор обращается к проблеме убийства. Тринадцатилетняя девочка, отданная в услужение хозяину сапожной мастерской, приставлена была нянькой к младенцу. Кроме своих непосредственных обязанностей она должна была помогать в доме по ведению хозяйства: ставить самовар, чистить калоши, мыть полы, убирать комнаты, топить печь, бегать в лавку, помогать в кухне чистить картошку. А ночью она, выбившись из сил, нянчила ребенка, который постоянно плакал. Ей очень хочется спать, голова сама клонится ко сну, мысли путаются, но она получает от хозяина оплеуху и просыпается, качает ребенка и вновь впадает в короткий сон. Но выспаться ей не удастся, наступает утро, и снова девочка то и дело слышит распоряжения хозяев:

— Варька, ставь самовар!

— Варька, почисти картошку!

⁸ Маслов, А. Третья профессия Антоши Чехонте/А. Маслов // Милиция. — 1993. — № 1. — С. 38–40.

⁹ Чуковский, К. И. О Чехове / К. И. Чуковский. — М., 1971. — С. 72.

¹⁰ .Есин, Б. И. Чехов — журналист / Б. И. Есин. — М., 1977. — С. 36.

— Варька, помой снаружи лестницу...

— Варька, покачай ребенка!

Автор на примере жизни девочки-подростка показал причины, ведущие к преступлению. Подросток находится в постоянных хлопотах и заботах о ком-то, но не имеет права как следует выспаться. Взамен за свои услуги девочка не получает ни теплого, ласкового слова, ни сочувствия, о ней никто не заботится, не волнуется, ей никто не скажет, что пора спать. Она одна в мире взрослых, которым нет до нее никакого дела. Отчаянно борясь со сном, качая младенца, девочка уходит в полусон, где ею овладевает ложное представление, что враг, который не дает ей спать, — это ребенок. «Смеясь, подмигивая и грозя... пальцами, Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задувив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...»¹¹

Изображая причины, побудившие совершить преступление, Чехов утверждает, что важнейшими факторами являются человеческое равнодушие и одиночество. Равнодушные взрослые и одиночество подростка в рассказе «Спать хочется» привели к страшной трагедии. Люди часто не замечают страданий ближних, их не волнуют чужие судьбы и переживания. И это хорошо изобразил писатель в рассказе «В суде» (1887 г.).

Именно на заседании суда мы узнаем криминальную историю главного героя Харламова. Во время судебного процесса герой интуитивно почувствовал образовавшуюся вокруг него глухую стену непонимания и равнодушия. «Он встретил здесь не то, что ожидал. Над ним тяготело обвинение в убийстве, а между тем он не встретил здесь ни грозных лиц, ни негодующих взоров, ни громких фраз о возмездии, ни участия в своей необыкновенной судьбе; ни один из судящих не остановил на нем долгого, любопытного взгляда...»¹² Знакомясь дальше с рассказом, мы убеждаемся в невинности Харламова, но с горечью понимаем, что героя не оправдают, потому что судят его равнодушные, безразличные судьи. И это ощущает на себе Харламов: «Пасмурные окна, стены, голос секретаря, поза прокурора — все это было пропитано канцелярским равноду-

¹¹ Чехов, А. П. Избр. Соч. в двух томах / А. П. Чехов. — М., 1979. — Т. 1. — С. 257.

¹² Чехов, А. П. В суде / Собр. Соч. в 12-ти томах / А. П. Чехов. — М., 1964. — Т. 4. — С. 370–377.

шием и дышало холодом, точно... судили его не живые люди, а какая-то невидимая, бог знает кем заведенная машинка...» И если не суд поможет разобраться в человеческой беде, докопаться до истины, то кто же защитит человека? А. П. Чехов следует своему призванию. Он как литератор должен защищать человека, точно так, как адвокат в суде должен защищать подсудимого.

В 1889 году он обращается к проблеме пожизненного наказания, ознакомившись с лекциями по уголовному праву, судопроизводству и тюремоведению, по которым готовился к экзаменам его брат Михаил, оканчивающий юридический факультет. Чехов задается вопросом: «Все наше внимание к преступнику сконцентрировано на нем до момента вынесения приговора, однако стоит отправить его на каторгу, в тюрьму, — и о нем забывают совершенно. Но что происходит с ним там?»¹³ Возможно, это стало одной из причин, которая заставила писателя отправиться на Сахалин. После Сахалина цепь прежних раздумий о мотивах преступления продолжалась, но на новом уровне¹⁴.

Знакомство с тюрьмами Сахалина, с условиями жизни и быта каторжан окончательно сформировало у А. П. Чехова накопленные знания и опыт, и этим он завершил свои жизненные наблюдения, поставив точку и доказав себе, что в том, что происходит с человеком до совершения преступления и после, виновато общество и тюремная система.

¹³ Труайя, Анри. Антон Чехов / Анри Труайя. — М., 2004. — С. 171.

¹⁴ Полоцкая, Э. А. Движение художественной мысли / Э. А. Полоцкая, А. П. Чехов. — М., 1979. — С. 124.

Сахалин XIX века в книгах очевидцев:
Б. Д. Ховарда, А. П. Чехова, В. М. Дорошевича

До посещения каторжного острова Б. Ховардом, А. Чеховым, В. Дорошевичем о Сахалине писалось немало как у нас, так и за рубежом. Однако все труды не содержали информации «из первых рук». После возвращения с Сахалина доктор Ховард «не смог найти ни одной книги на любом языке, в которой рассказывалось бы о повседневной жизни чиновников, ссыльных и заключенных острова Сахалин, увиденной глазами автора»¹.

В подтверждение слов Ховарда, что в XIX веке общество не имело четкого представления о Сахалине, так как отсутствовали правдивые, точные сведения, приведу строки А. П. Чехова. Готовясь к поездке на остров, в письме от 25 февраля 1890 года он писал брату Александру: «Статьи писались или людьми, никогда не бывавшими на Сахалине и ничего не смыслящими в деле, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинском вопросе и капитал нажили и невинность соблюли»². В. М. Дорошевич перед поездкой на Сахалин в прошении начальнику Главного Тюремного Управления А. П. Саломону указывал, говоря о целях своего путешествия: «Такого рода согласное с правдой описание должно разрушить массу ложных легенд, которые связаны у нас с представлением о каторге...»³. Таким образом, мы приходим к мысли, что в то время информации было недостаточно. Поэтому тема каторги, тюрьмы, преступления и наказания все больше привлекала внимание мирового сообщества, которая, в свою очередь, отразилась в очерках А. П. Чехова, П. Ф. Якубовича, В. М. Дорошевича, Г. И. Успенского и других.

Упоминания о Сахалине были различного характера, но все их объединяет одно — это представление о Сахалине как о каторге в виде некоего зловещего образа, ада. Например, в своей

книге Б. Ховард использует информацию князя Кропоткина: «В Российской империи найдется немного мест ужаснее этого острова, поэтому русское правительство отправляет именно на Сахалин всех приговоренных к каторжным работам... Так на земле был создан новый ад, куда хуже Атакни. Приговоренных к каторжным работам теперь отправляют умирать на сахалинские острова»⁴.

А. П. Чехов в письме к Суворину сообщал о Сахалине: «Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей»⁵.

Спустя 7 лет после поездки Чехова, известный журналист, корреспондент газеты «Одесский листок» В. Дорошевич тоже совершает путешествие на Сахалин. К этому решению его подвигли разные причины, в том числе и правительственные меры в отношении ссыльных и собственные наблюдения над отправкой каторжан из Одессы. В одном из своих обзоров он пишет: «В трюме — тишина. Слышен только лязг кандалов и плеск воды.... Внизу могильная тишина мира отверженных, мира наказанного преступления, угрызений совести, тоски, гнетущих воспоминаний, бессильной злобы, ужасных кошмаров, снов, от которых просыпаются или в холодном поту, или с мучительно сжатым тоскою по родине сердцем...»⁶.

В очерках с тюремной тематикой предстает целая галерея мира отверженных. Задачей таких очерков считается: возбудить интерес в обществе, вызывать сострадание к бедным и несчастным, которые проживают свою жизнь в стенах российских тюрем. Перед писателем Чеховым и журналистом Дорошевичем стояли различные по своему составу задачи поездки на Сахалин. А. П. Чехов попытался воссоздать достоверную картину каторжной системы, ему предстояло провести объективное исследование условий жизни каторжных на Сахалине, в то время как Дорошевич ставил перед собой несколько иную задачу — вскрыть социальные мотивы преступления каждого

¹ Ховард. Б. Узники России. Жизнь среди сибирских дикарей / Б. Ховард. — Южно-Сахалинск, 2007. — С. 82.

² Чехов, А. П. Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 12 / А. П. Чехов. — М., 1963. — С. 396.

³ ГАРФ — Ф. 122. — Оп. 6. — Д. 2158. — Л.9. (копия МКЧ НВФ 185 — 264).

⁴ Ховард. Б. Указ. соч. — С. 84.

⁵ Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 399.

⁶ Букчин, С. В. Сахалинская эпопея Власа Дорошевича // В. М. Дорошевич. — Сахалин. Т. 1. — Южно-Сахалинск, 2005. — С. 7.

отдельного человека, проникнуть в духовный мир, постичь его психологию⁷. А Ховард целенаправленно изучал устройство каторги в различных странах, криминологию, реформу тюрем.

Но каким образом выполненные задачи могли воздействовать на публику с целью привлечения к себе внимания. И кто смог в большей мере прикрепить взгляды жаждущей толпы?

В то время как книга Чехова привлекла внимание своей информативностью и обилием статистического материала, личными впечатлениями и переживаниями, а «Сахалин» Дорошевича, по оценке газеты «Русские ведомости», — «это большое, яркое стихотворение в прозе, проникнутое тяжелым настроением, навеванным впечатлениями каторги...»⁸, то книга Ховарда привлекла внимание общества только многими любопытными сведениями. Например, интересные факты публика почерпнула из отдельных глав: «Репутация острова Сахалина», «Кнут, его применение и результаты», «Проблема перевоспитания» и пр.

Но пока мы остановимся на рассмотрении книг Чехова и Дорошевича, принимая во внимание тот факт, что в России публике наиболее известны именно эти книги. Считается, что именно «Остров Сахалин» А. П. Чехова произвел резкий переворот в общественно-политических отношениях. Благодаря этой книге к Сахалину оказалось приковано внимание нескольких тысяч людей, власти были встревожены. Подобный резонанс произвели очерки В. М. Дорошевича, на них обратила внимание цензура, которая в 1897 и 1898 гг. под различными предлогами приостанавливала выход газеты «Одесский листок». А после выхода в свет книги «Сахалин» в 1902 г. по специальному правительственному распоряжению книга на некоторое время была изъята из публичных библиотек, запрещалась ее продажа на железнодорожных станциях и рынках⁹.

«Остров Сахалин» Чехова и «Сахалин» Дорошевича призывают исследователей к сопоставлению. Известный чеховед М. Теплинский в одной из своих публикаций писал: «Конечно, книга Дорошевича написана более живо, в ней нет ста-

тистических таблиц и обилия документального материала, но в познавательном отношении она далеко уступает «Острову Сахалину» Чехова»¹⁰. В «Тюремном вестнике» за декабрь 1902 года была заметка, в которой писалось о том, что все фельетоны Дорошевича, как и состоящая из них книга, не исключая и иллюстрации, дают читателю очень мало нового, автор придал старому материалу лишь новую, более легкую, доступную форму. Различные мнения существовали и существуют до сих пор по этому поводу, но так или иначе обе книги несут большую смысловую нагрузку, ими интересуются, их исследуют и изучают.

Сопоставляя книги Чехова и Дорошевича, можно с интересом проследить наблюдения авторов по той или иной тематике. Вот как описывает тюрьму в Александровском посту А. П. Чехов: «Тюрьма находится близ главной улицы, но по внешнему виду она мало отличается от военной казармы, и потому Александровск совсем не носит того мрачного острожного характера, какой я ожидал встретить»¹¹. Внешнее впечатление, как правило, бывает обманчивым. Уже на улице Александровского поста писатель увидел кандалных каторжных, которые, «звезная цепями», тащили тяжелую тачку с песком, «по сторонам плетутся конвойные с потными лицами и с ружьями на плечах... кандалные возвращаются тою же дорогой назад, и звон кандалов слышится непрерывно»¹². Звон кандалов, как символ человеческого страдания, слышался повсюду. А вот, что пишет Чехов о кандалной: «Оборванные, немые, в кандалах, в безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками: одна половина головы взлохмачена, другая, бритая, уже начинает зарастать... Постелей нет, спят на голых нарах»¹³. Всюду, где бывал, А. Чехов отмечал тяжелое положение человека, отсутствие в общих камерах чистоты и гигиены. По этому поводу он дал свою оценку существующим «порядкам» в тюрьмах Сахалина, как врач: «... гигиена никогда не выйдет здесь из той тесной рамки, какую ограничили для нее сахалинский климат и рабочая обстановка каторжного, и какими бы благими наме-

⁷ Прокурова, Н. С. Автореферат чего (докторской и кандидатской?). Нравственно-психологические аспекты проблемы преступления и наказания в русской литературе 2-й половины XIX века / Н. С. Прокурова — М., 2000. — С. 14.

⁸ Букчин, С. В. Указ. соч. — С. 28.

⁹ Там же. — С. 28.

¹⁰ Теплинский, М. В. Влас Дорошевич — автор книги / М. В. Теплинский «Сахалин» // Сахалин. Литературно-художественный сборник. — Южно-Сахалинск, 1962. — С. 133.

¹¹ Чехов, А. П. Остров Сахалин. / А. П. Чехов — Южно-Сахалинск, 1980. — С. 28.

¹² Там же. С. 32.

¹³ Там же. С. 54.

рениями ни была проникнута администрация, она будет бессильна и никогда не избавится от нареканий»¹⁴.

У Дорошевича в книге «Сахалин» мы тоже находим главы, в которых автор повествует о том, что собой представляют сахалинские тюрьмы. Каждая глава книги — это своеобразный репортаж журналиста. И если Чехов дает свою оценку увиденному, делится впечатлениями, передает личные переживания и при этом преподносит материал как научное исследование, то Дорошевич преподносит публике сенсации, живые, эмоциональные очерки. Что касается сахалинской тюрьмы, Дорошевич пишет: «Из темницы на момент выглядывали старые, молодые, мрачные, усталые, свирепые, отталкивающие и обреченные лица и сейчас же снова исчезали во тьме... Загремел огромный замок, клуб сырого, промозглого пара вырвался из отворяемой двери, и мы вошли в один из «номеров» кандалного отделения... Наше появление словно разбудило дремавшие кандалы. Кандалы забренчали, залязгали, заговорили своим отвратительным говором»¹⁵.

Посетив кандалную, В. М. Дорошевич увидел те же «голые нары, свернутые комком грязные матрацы в головах»¹⁶, автором отмечается та же грязь и много человеческого страдания. А это значит, что за 7 лет на Сахалине мало что изменилось.

Существуют различные мнения о книгах Чехова и Дорошевича. Сахалинские знакомые Чехова посчитали ее неправдоподобной, так как автор смягчил краски, в то время как картины, нарисованные Дорошевичем, в большей степени правдивы и вызывают только удивление. Книга Дорошевича написана так, словно никаких предшественников у автора не было. Для Дорошевича не существовало границ, в то время как Чехов вынужден был считаться с цензурой. Журналист с легкостью расправляется с чиновниками, для описания их он не жалеет мрачных красок, также описывает правдивую жизнь каторжных и поселенцев. Возможно, Дорошевичу было намного легче привлечь публику, он хорошо знал вкусы и потребности читателей, ведь в тот период все общество было охвачено сенсациями, которым отводилось огромное место в газетах. Но так или иначе документальными свидетельствами, яркими, образными карти-

нами, научной обоснованностью фактов все-таки книги Чехова и Дорошевича воздействовали на передовую общественность, а тем более на правительство, которое, в свою очередь, всячески пыталось переубедить общество в том, что образ Сахалина писателя и журналиста не соответствует действительности.

По своему содержанию книга Б. Ховарда «Узники России» во многом уступает российским авторам. В ней отсутствует личностное отношение к увиденному, разоблачение тюремной системы в России. Он видел Сахалин глазами иностранца, с уже сложившимся представлением об устройстве и принципах работы каторжных систем в Англии и Америке. И все, что он наблюдал на Сахалине, шло в сравнении с зарубежным опытом. Информацию автор преподносит читателю сухо. Все то, что российским писателям на острове показалось удручающим и крайне невыносимым, Б. Ховард представил, более или менее сносным; создается иллюзия некоторого благополучия. В пример приведём выдержки из VIII главы его книги «Чем питаются каторжники». «...Я бывал в местной пекарне, наблюдал процесс выпечки хлеба и его распределения среди потребителей... Могу утверждать, что и заключённые, и... чиновники, включая начальника округа, едят хлеб из одной выпечки без какой-либо дискриминации в этой сфере»¹⁷. Сравним у Чехова: «...те, которые довольствуются из котла, получают порядочный хлеб, живущим же по квартирам выдается хлеб похуже, а работающим вне поста — еще хуже»¹⁸ и далее: «...хорош только тот хлеб, который может попасться на глаза начальнику округа или смотрителю»¹⁹. В то время, когда мы у Б. Ховарда читаем: «Суп варят из мяса или рыбы с непременно добавлением овощей, обычно картофеля или капусты, а иногда — и того и другого вместе»²⁰, у Чехова мы находим: «Мясо употребляется в пищу только соленное, рыба также; дают их в вареном виде, в супе»²¹.

Сравнивая произведения трех авторов на тему наказания каторжных, мы приходим к выводу, что описания Ховарда существенно отличаются от размышлений по этому поводу российских авторов. Ховард как врач исследовал процесс экзекуции кнутом в сибирских и сахалинских тюрьмах и пришел к выводу, что: «Вообще-то либеральным критикам не мешало бы

¹⁴ Там же. С. 57.

¹⁵ Дорошевич, В.М. Сахалин. — Т. 1. / В. М. Дорошевич — Южно-Сахалинск, 2005. — С. 190–192.

¹⁶ Там же. С. 195.

¹⁷ Ховард, Б. Указ. соч. — С. 138.

¹⁸ Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 226.

¹⁹ Там же. С. 225.

²⁰ Ховард, Б. Указ. соч. — С. 137.

²¹ Чехов, А.П. Указ. соч. — С. 226.

побывать на Сахалине и лично изучить положение дел, прежде чем бичевать Россию за столь «варварскую» форму наказания, как порка кнутом. С медицинской точки зрения последствия для здоровья от порки, наблюдаемой мной в ее различных формах на территории Сибири, значительно меньше, чем я мог предполагать...»²². Чехов же, наблюдавший сцену наказания плетьюми, ужаснулся. Увиденное навело его — тончайшего знатока человеческих душ — на размышление такого рода: «От телесных наказаний грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании»²³. В. Дорошевич об избиениях арестанта плетьюми с болью пишет: «Это был человек, в котором было всё уничтожено... ему истерзали тело и наплевали в душу»²⁴. Отношение А. Чехова и В. Дорошевича к подобным видам наказания объединяется общим неприятием этих существующих фактов и омерзением, в то время как Б. Ховард относится к физическому наказанию арестантов как к вынужденным мерам.

Исходя из всего вышесказанного, приходим к выводу, что А. П. Чехов с проницательностью художника-мыслителя в «Острове Сахалине» воспроизвел трагедию гибели человеческих ресурсов, трагедию духовного умерщвления народа. Дорошевич своей книгой дополняет мысли Чехова: «Если исправление и возрождение немислимы без раскаяния, то Сахалин не исполняет, не может исполнять своего назначения»²⁵.

Надо учитывать то, что Б. Ховард приехал на сахалинскую каторгу по приглашению начальника Корсаковского округа. А это значит, что ему некоторым образом демонстрировали объекты каторжной тюрьмы в выгодном свете для всей пенитенциарной российской системы. В своем исследовании он сделал вывод о том, что в Сибири «система содержания самая гуманная, оставляющая оступившемуся человеку шанс на исправление и возвращение к честной трудовой деятельности»²⁶. А. П. Чехов всему миру заявил, что «...каторга убивает нравственную силу человека, растлевает и губит душу»²⁷.

²² Ховард, Б. Указ. соч. — С. 196.

²³ Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 262.

²⁴ Дорошевич, В. М. Сахалин. — Т. 2. / В. М. Дорошевич — Южно-Сахалинск, 2005. — С. 336.

²⁵ Прокурова, Н. С. Указ соч. — С. 16.

²⁶ Ховард, Б. Указ. соч. — С. 308.

²⁷ Чехов, А. П. Указ. соч. — С. 303.

Итоги комплектования коллекции музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» в 2009 году

Гордость любого музея, даже пусть небольшого, составляют его коллекции, комплектование которых в современном мире протекает довольно сложно. И этому есть ряд причин. Однако нет сегодня такого музея в России, который бы ни пополнил свои фонды хотя бы одним новым интересным предметом. Южно-Сахалинскому музею книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» есть чем гордиться и о чем рассказать. В его коллекцию с каждым годом поступает все больше и больше уникальных предметов и материалов, составляющих историко-культурное наследие страны.

В 2009 году в музейное собрание поступило 99 предметов, часть из которых предлагаются вашему вниманию. Благодаря дару начальника управления культуры администрации г. Южно-Сахалинска И. А. Костановой, коллекция «Скульптура» пополнилась бюстом А. С. Пушкина, которая сразу стала центром внимания посетителей выставки музея «Чехов-это Пушкин в прозе», а фонд редкой книги пополнился несколькими раритетными изданиями. Это — А. П. Чехов. Остров Сахалин. (Из путевых записок). Издание редакции журнала «Русская мысль». — М., 1895.; А. П. Чехов. Остров Сахалин. (Из путевых записок). Издание товарищества А. Ф. Маркс. Петроград. Б/д.; журнал «Русская мысль». Год пятнадцатый. Март. — М., 1894. Данное издание продолжает публикацию XII и XIII глав из книги А. П. Чехова «Остров Сахалин».

Сотрудники музея сразу включились в исследовательскую работу о судьбе издания «Остров Сахалин» 1895 года. Однако на первом этапе удалось получить немного информации. Выяснили следующее: в 90-е годы XX столетия книгу выставили на продажу на аукционе в Европе, где ее купил Говард Вейнерт. В 2007 году он продал «Остров Сахалин» через Интернет и ее купил букинист из Санкт-Петербурга. Как попала книга за границу, кто был ее владельцем? Эти вопросы пока остаются без ответов.

В 2009 году значительно пополнилась коллекция редких книг благодаря дару Ана Ю. А., президента ООО «Лекс ко ЛТД». В музейный фонд поступили сборник историко-литературных статей. А. П. Чехов. Жизнь и сочинения. Составитель В. Покровский. — М., 1907.; сборник статей. А. П. Чехов. — М., 1910.;

А. П. Чехов. Человек в футляре. Военное изд-во Министерства вооруженных сил Союза ССР.— М., 1947. Достоин внимания читателей сборник статей 1907 года, где представлены следующие статьи: Дивильковского «Жизнь и быт обитателей Сахалина в освещении Чехова» и Богдановича «Общее содержание: «Острова Сахалина» Чехова и особенности в изображении». Современники А. П. Чехова исследуют творчество писателя с различных позиций. К примеру, Дивильковский пишет: « Мне кажется, - как это ни странно на первый взгляд, — что о. Сахалин играл для творчества Чехова роль своего рода Италии, где он стремился довершить свое понимание русской жизни. Пусть такое стремление носит в себе нечто болезненное, как бы извращенное — это объясняется тем, что русское общество пробуждало в нашем авторе творческие настроения именно своими болезненными, извращенными сторонами, своим безобразием. Грусть над безобразием жизни (сменившая собою ранее характерный для Чехова смех) тоже, ведь, имеет в себе нечто высокопоэтическое: неудивительно, что Чехова тянуло туда, где он предчувствовал наглядное и яркое воплощение русской грусти, во всей ее полноте»¹. А у Богдановича о книге А. П. Чехова сказано следующее: «Если бы г. Чехов ничего не написал более, кроме этой книги, имя его навсегда было бы вписано в историю русской литературы и никогда не было бы забыто в истории русской ссылки»².

Н. А. Тарасов преподнес в дар музею журнал «Нива» № 10 от 9 марта 1913 года, в котором опубликованы редкие снимки празднования 300-летия царствования Дома Романовых.

От Блиновой Р. А. в очередной раз поступили коллекция письменных источников, среди которых буклет «Выставка произведений художника С. С. Чехова. Каталог. 15 мая 1937 г. — 11 марта 1975 г.». Его издали в Мелихово в 1985 г. к выставке, которую организовали в честь памятной даты «10 лет со дня смерти С. С. Чехова». Вызывает интерес альманах «Мелихово». 2007-2008 гг., где статья Н. Ивановой «Несколько страниц из истории чеховских музеев» очень подробно рассказывает о судьбе Евгения Эмильевича Лейтнекера, его взаимоотношениях с М. П. Чеховой и М. П. Чеховым, его подвижничестве и проделанной огромной работе по созданию первых чеховских

музеев в России. Имя этого достойного человека было незаслуженно выброшено из истории музеев, запятнано подозрениями в краже документов из чеховского архива. Статья Н. Ивановой документально доказывает несправедливость всех обвинений.

Управление культуры Сахалинской области передало в фонды музея подарочное издание книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» (Из путевых заметок). — М., 1895. Репринт. — М., 2009. Издание отличается своим оформлением: в бархатной коробке, с обложкой из кожи.

Бессменный даритель И. А. Кокорина передала музею часть своего домашнего архива. Это почтовые открытки конца XIX — начала XX века. Одна из открыток (с изображением влюбленной пары) имеет на обороте надпись с поздравлением с законным браком от семейства Цыгановых. 1914 г. Интересна почтовая карточка 1910 г. с изображением одной из улиц Харбина.

Из Таганрога коллега И. Шипулина выслала в дар музею коллекцию письменных источников, состоящую из сборников статей «Таганрог» и «Таганрогский вестник» за разные годы издания. В сборнике «Таганрогский вестник» за 2008 г. опубликованы материалы международной научно-практической конференции «Степь» А. П. Чехова: 120 лет». Среди статей представляет интерес работа А. Кузичевой «Письма Чехова — письма «русского путешественника», в которой она убедительно доказывает, что именно в дороге у А. П. Чехова обострялось чувство живой жизни, отсюда его страсть к путешествиям и мечты о дальних странах.

Доктор филологических наук из Волгограда Н. Прокурова прислала книгу «Написанное остается» 2009 года издания с дарственной надписью в адрес музея. Это литературно-критическое исследование — продолжение чеховской темы, плоды почти 20-летней работы Н. Прокуровой. В своей книге автор пытается опровергнуть общепринятые трафаретные взгляды на взаимоотношения А. П. Чехова с близкими ему женщинами — любящими и любимыми: Л. Авиловой, Л. Мизиновой и О. Книппер. Чувствуется эмоциональный окрас авторского текста при описании женских образов. Если речь идет о Л. Авиловой, то это светлый возвышенный образ, вызывающий восхищение и глубокое уважение; глава же, посвященная О. Л. Книппер, называется конкретно «...жене своей я не верю...», где автор обвиняет актрису в корысти и неверности.

Хабаровчанин И. Н. Пузаков подарил свою книгу поэм «Бегу на Сахалин», изданную в 2009 году в г. Хабаровске. Игорь Николаевич Пузаков, заслуженный работник культуры Российской Федерации, детство и юность прожил на Сахалине, был

¹ Покровский, В. И. Антон Павлович Чехов. Его жизнь и сочинения / В. И. Покровский. — М., Покровский. — 1907. — С. 655.

² Там же. С. 661.

журналистом, 26 лет работал главным редактором Хабаровского книжного издательства, автор 4-х книжек стихов.

От П. В. Ахманаева получены в дар следующие книги: Д. М. Евсеев. Неизвестные псевдонимы А. П. Чехова. — М., 2008.; П. Н. Долженков. «Как приятно играть на мандолине!». О комедии Чехова «Вишневый сад». — М., 2008; Э. Матонина, Э. Говорушко. Вторая жизнь. Лица-Лидия Мизинова, Санин и Чехов в интерьере прошлого. — М., 2006. Авторы издания 2006 года называют жанр книги художественно-документальным романом. Однако при прочтении это произведение напоминает готовый сценарий художественного фильма. Когда книгу закрываешь, в памяти остается только вопрос, который Санин задает своей жене: «Почему ты, так близко знавшая его, единственная, кто не написал ни строчки воспоминаний о нем?» и не получает ответа. И действительно, а почему? Об этой книге хотелось бы сообщить следующую информацию: предприимчивые авторы переиздали ее в 2007 году, но под другим названием «Чехов и Лица Мизинова».

Из иностранных изданий представляет интерес книга А. П. Чехова «Остров Сахалин», ч. 2. — Токио, 2009. Пер. Мацусита Ютака. — дар Есихиде Агата, Япония. Книга входит в 12 томное собрание сочинений.

В фотофонд музея переданы фотографии А. А. Дворкина спектакля «Прозоровы. Взгляд из будущего» в постановке Амурского областного театра драмы, гастролировавшего на Сахалине в 2008 году.

Благодаря спонсорским средствам, музей пополнил коллекцию «Декоративно-прикладное искусство и предметы быта». Приобретены предметы церковного культа конца XIX века. В этой коллекции представляют интерес: распятие Христово в виде восьмиконечного креста старообрядческого толка середины XIX века и небольшая икона святых Кирика и Улиты, помощницы и защитницы дома и семьи.

В юбилейный для музея год (2010 года — 15 лет со дня открытия) хочется поблагодарить преданных друзей музея, жителей Южно-Сахалинска за их дары, за бескорыстный вклад в пополнение музейного собрания во благо сохранения историко-культурного наследия страны.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воложанинова Светлана Юрьевна — научный сотрудник областного государственного учреждения культуры Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» (далее МКЧ «Остров Сахалин»).

Дорофеева Лариса Владимировна — профессор кафедры русской и зарубежной литературы института филологии СахГУ, к. ф. н.

Ефремов Владимир Ильич — председатель Сахалинской областной Думы.

Казакова Наталья Ивановна — доцент кафедры филологического образования Сахалинского областного института переподготовки и повышения квалификации кадров, к. ф. н.

Ким Валерия — ученица 11 класса МОУ СОШ № 5.

Кудрявцев Игорь Геннадьевич — доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Южно-Сахалинского института филиала ГОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет», к. и. н.

Левковская Анна Юрьевна — научный сотрудник отдела музейного маркетинга Сахалинского областного краеведческого музея.

Мальшева Валентина Аврамовна — директор Сахалинской областной универсальной научной библиотеки.

Мисиков Борис Рамазанович — ректор Сахалинского государственного университета, д. п. н.

Настина Ирина Артуровна — научный сотрудник МКЧ «Остров Сахалин».

Овчинникова Вера Васильевна — главный хранитель МКЧ «Остров Сахалин».

Павлова Татьяна Константиновна — специалист по учебно-методической работе отдела очно-заочной и заочной формы обучения СахГУ.

Самарин Игорь Анатольевич — консультант Агентства по культуре Сахалинской области.

Степаненко Анастасия Александровна — зав. кафедрой журналистики Института филологии СахГУ, к. ф. н.

Строганов Константин Михайлович — первый заместитель губернатора Сахалинской области.

Чудинова Виктория Ивановна — зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Института филологии СахГУ, к. ф. н.

Содержание

*Приветствия участников торжественного собрания,
посвященного открытию года А. П. Чехова на Сахалине
в честь 150-летия со дня рождения писателя*

Строганов К. М. А. П. Чехов и Сахалин	3
Ефремов В. И. К 120-летию поездки А. П. Чехова на Сахалин!	9
Мисиков Б. Р. Чеховская тема в контексте развития научно-практической деятельности Сахалинского государственного университета.	13

Научные доклады и сообщения

Казакова Н. И. У каждой эпохи свой Чехов	16
Дорофеева Л. В. Рабство и свобода в христианском понимании и в чеховском контексте	24
Чудинова В. И. Символика света и тьмы в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»	28
Левковская А. Ю. Айны в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» и их современное положение.	34
Степаненко А. А. «Остров Сахалин» А. П. Чехова и «На воде» Мопассана	39
Мальшева В. А. «Остров Сахалин» А. П. Чехова в исследованиях А. И. Станько	45
Кудрявцев И. Г. А. А. Панов о колонизации Сахалина: либеральные иллюзии и реальность фактов	54
Самарин И. А. Имя А. П. Чехова в топонимике Сахалинской области	60
Павлова Т. К. Русский характер в ранней прозе Анатолия Кима 1970–80 годов (на примере рассказа «Охотница»)	65
Ким В. Антоша Чехонте — мастер художественной антропонимики	73
Воложанинова С. Ю. Мотивы криминального сюжета в творче- стве А. П. Чехова	80
Настина И. А. Сахалин XIX века в книгах очевидцев: Б. Д. Ховарда, А. П. Чехова, В. М. Дорошевича.	88
Овчинникова В. В. Итоги комплектования коллекции музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» в 2009 году	95
Сведения об авторах	99